
ОГОНЁК
№ 6 ФЕВРАЛЬ 1973
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Трактористы из Нового Села: Николай Репин и Юрий Волков.

МАТЕРИНСТВО 3

Агроном Тамара Алексеевна Ракова — технолог урожаев из колхоза «Заря коммунизма».

Битва за хлеб 1973 года началась! В колхозе имени XXII съезда КПСС удобрения вывозит специальный механизированный отряд.

ЕМЛИ

ПОДНЯТЬ НАШЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ДО УРОВНЯ, КОТОРЫЙ БУДЕТ ПО-НАСТОЯЩЕМУ ОТВЕЧАТЬ ВОЗМОЖНОСТЯМ СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНИКИ И ПОТРЕБНОСТЯМ КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА,— ТАКОВА ЦЕЛЬ, ПОСТАВЛЕННАЯ ПАРТИЕЙ.

Л. И. БРЕЖНЕВ

Николай БЫКОВ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА.

Нечерноземье — страна в стране, страна трогательных пейзажей, старых лугов и старых полей. Большой разговор о сельском хозяйстве Нечерноземной полосы недавно состоялся в Москве. Нечерноземье — это двадцать девять областей и автономных республик, это зона надежного хлебосеяния и выгодного животноводства. Здесь не знают суховеев, здесь редко и бездождье. Такие годы, каким выдался минувший, 1972-й,— аномалия. Вот почему перед земледельцами серединной России поставлена задача — довести сбор зерна до полутора миллиардов пудов. Этот богатырский намолот зиждется на трех китах: широкая механизация, химизация и мелиорация старопахотных земель и пастбищ. Расчет вполне реальный. Ныне в руках земледельцев мощные средства техники, агрономии и агрохимии. Такова линия партии — линия на перевооружение сельского хозяйства. Именно такое соотношение сил наметилось в Суздальском районе, Владимирской области. Дела суздальцев отлично иллюстрируют слова Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, сказанные на торжественном заседании в честь 50-летия образования СССР: «...природа природой, а работа работой, и лучшее оружие в борьбе с невзгодами стихии — это высокая культура хозяйствования, активный и самоотверженный труд».

О том, как умеют хозяйствовать в Суздальском районе, и пойдет дальше речь. Герой очерка — старая земля Ополья, набирающая весеннюю силу материнства.

Продолжение см. на стр. 10—13.

БОЛЬШОЙ УСПЕХ СИЛ

Члены делегации ДРВ перед началом церемонии подписания соглашения.

23 января в парижском Доме международных конференций на авеню Клебер специальный советник Ле Дык Тхо, представляющий ДРВ, и Генри Киссинджер, представляющий США, поставили свои инициалы на Соглашении о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. 27 января это соглашение, а также протоколы к соглашению были официально подписаны всеми участниками парижских переговоров, а именно представителями Демократической Республики Вьетнам, Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам, Соединенных Штатов Америки и сайгонской администрации.

В полночь 27 января по Гринвичу во Вьетнаме наступил мир. В соответствии с соглашением в течение 60 дней после прекращения огня американские войска должны быть выведены из Южного Вьетнама, а все американские военнопленные, находящиеся в Индокитае, будут освобождены. К этому же времени из Южного Вьетнама должны уйти все воинские части Южной Кореи и других союзников США.

Сразу же после подписания в Париже соглашения Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный и А. Н. Косыгин направили приветственные телеграммы руководителям ДРВ и ВРП РЮВ. В телеграмме советских руководителей руководству ДРВ говорится, что «достижение соглашения, предусматривающего полный вывод американских и других иностранных войск с вьетнамской земли, прекращение вмешательства США во внутренние дела Вьетнама,— это важная победа в борьбе против империализма, убедительное доказательство того, что в наши дни никакая сила не способна сломить волю народа, борющегося за свои неотъемлемые права и пользующегося поддержкой всех прогрессивных сил мира».

Так же оценивается восстановление мира во Вьетнаме странами социалистического содружества, руководителями коммунистических и прогрессивных партий на всех континентах.

Широкие круги международной общественности, включая и американскую, горячо приветствуют наступление долгожданного мира на многострадальной вьетнамской земле.

Во время подписания соглашения.

Телефото ТАСС.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

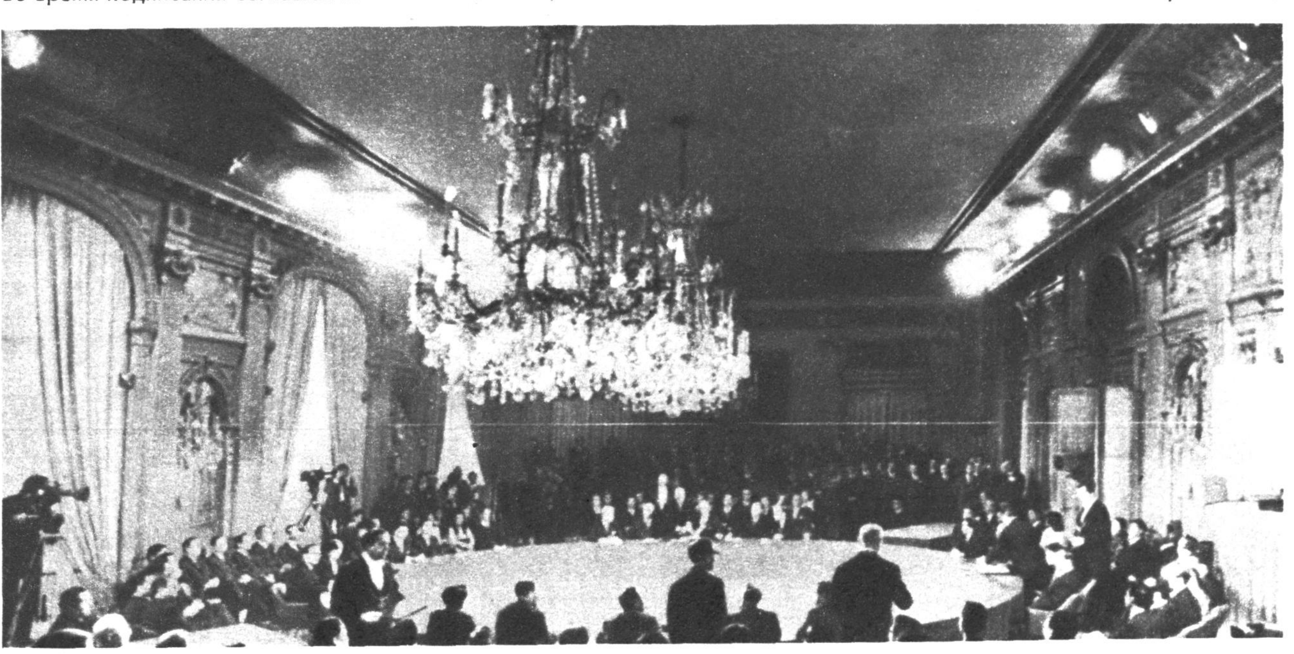

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 6 (2379)

3 ФЕВРАЛЯ 1973

МИРА И ПРОГРЕССА

Борис ГУРНОВ

УРОК ИСТОРИИ

...Такое ощущение испытываешь в первый день после экзаменов, когда проснешься и вдруг вспомнишь, что не надо никуда торопиться. Вот и теперь в Париже нам, корреспондентам, как-то непривычно, что не нужно спешить на пресс-конференции участников четырехсторонних переговоров по Вьетнаму, мчаться на авеню Клебер.

Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме подписано. 28 января стало первым днем мира для вьетнамского народа.

Жизнь состоит из событий, история из их результатов. Когда-нибудь потомки прочтут в учебниках историю почти трех десятилетий борьбы, которую вел вьетнамский народ за свою свободу и независимость. Для нас же эти годы, по-моему, никогда не станут историей. Самый хладнокровный хирург не может спокойно оперировать больного, если это близкий, родной ему человек. Так и мы, друзья вьетнамского народа, никогда не сможем без волнения прочитать строчку — Парижское соглашение 1973 года. Для всех тех, кто в тяжелые дни войны был вместе со своими вьетнамскими братьями, это победа, добытая отвагой и кровью, трудом и мужеством. Это часть нашей жизни.

Я слышал рев американских самолетов над Ханоем, видел осиротевших детей на дымящихся пепелищах деревень. Помню Ханой в мае 1968 года. Нам роздали пригласительные билеты на торжественное первомайское заседание. В них было написано, что место проведения (в связи с опасностью налета американских самолетов) будет объявлено лишь за час до начала.

Однажды ночью корреспондентов разбудили и вызвали в министерство иностранных дел. Нам объявили, что вскоре в Париже начнутся четырехсторонние переговоры по Вьетнаму...

Помнится взволнованное ожидание результатов первых встреч на авеню Клебер и то, как гасли надежды, разбивавшиеся о нежелание американских империалистов признать право вьетнамского народа самому решать свою судьбу. Мы помним дни ожидания в октябре 1972 года, когда соглашение вот-вот должно было быть подписано. Дни проходили, а мир все не наступал. Мы помним страшные последние недели 1972 года, когда за неимением других аргументов агрессоры прибегли к невиданным по масштабам бомбардировкам территории ДРВ.

Переговоры продолжались четыре с лишним года, а во Вьетнаме тем временем шла война. День за днем гибли люди. Любая война меряет часы и сутки на жизни, которые она отнимает.

Рядом со зданием Дома международных конференций на авеню Клебер в Париже есть один дом, на котором табличка с именами французов, павших в последние дни освобождения Парижа.

В Западном Берлине я видел слезы матери у памятника советским солдатам, где было высечено имя и ее сына, павшего при штурме рейхстага в последние дни войны. Помню женщину у могилы советского офицера, убитого фашистским снайпером на берегу Эльбы 10 мая 1945 года. «Прошел всю войну и вот погиб...»

В тот день, когда в Париже было парафировано соглашение о прекращении войны, Пентагон объявил и сдержал слово, что бомбовые удары по освобожденным районам Южного Вьетнама будут продолжаться до последних минут 27 января.

В тот день, когда представители четырех сторон, участвовавших в переговорах, собрались в парадном зале Дома международных встреч, чтобы подписать соглашение, и когда до вступления в силу договоренности о прекращении огня оставалось 12 часов, американские телеграфные агентства сообщили, что у военной базы США погиб американский солдат. Я смотрел на государственного секретаря США Роджерса и его улыбающуюся в свете юпитеров супругу и думал о матери того американского солдата. Что ответят ей на вопрос: почему, за что погиб ее сын? Страшный вопрос. Еще страшнее ответ. Потому что он погиб зря. Я думал о том, с каким страшным чувством, должно быть, не находя ответа на тот же вопрос, стартовали в последний час войны на последнюю бомбардировку американские летчики...

Когда в раззолоченном зале Дома международных конференций министры иностранных дел за огромным круглым столом подписывали документы, я вглядывался в лицо крестьянского сына Нгуен Зуй Чиня, министра иностранных дел ДРВ, и бывшей сельской учительницы, министра иностранных дел Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам Нгуен Тхи Бинь и ясно представлял за ними ряды патриотов, тех, кто в борьбе за свободу своего народа прошел через все — подполье, тюрьмы, бои.

И в то же время не мог я представить среди солдат бывшего генерального прокурора штата Нью-Йорк, адвоката крупнейших фирм У. Роджерса и бывшего президента крупнейшего банка Чан Ван Лама.

Высшие американские чиновники и их сайгонские союзники жаловались, что им очень трудно было найти общий язык с представителями сражающегося Вьетнама. Тем, для кого война — средство решения спорных политических проблем, трудно найти общий язык даже со своим народом. Люди, которые отдают приказы о варварских бомбовых ударах по мирным городам и селам, не смогут объяснить американской матери, за что погиб ее сын в последний день войны. 46 тысяч американцев, убитых во Вьетнаме, отдали свои жизни зря.

Именно об этом думают и говорят сегодня американцы.

— Мы хотели бы верить,— сказала нам накануне официальной церемонии подписания соглашения Нгуен Тхи Бинь,— что американское правительство учло урок этой войны, самой долгой и самой трудной в истории Америки, и что они поняли: никакой демонстрацией силы, никакими коварными маневрами не удастся заставить вьетнамский народ отказаться от его неотъемлемых прав...

Париж. (По телефону.)

В НЬЮ-ЙОРКЕ...

На углу Первой авеню и 24-й улицы в Нью-Йорке высится многоэтажное здание — госпиталь ветеранов. Инвалид войны с 1965 года Колен Райс сказал:

— Да, война меняет человека. Я понимаю теперь, что она с самого начала была ошибкой.

Эта «ошибка» дорого обошлась и американскому и вьетнамскому народам. США истратили на нее 135,5 миллиарда долларов, погубили жизнь более четырех десятков тысяч американских парней, превратили Вьетнам в руины и лишили жизни многих вьетнамцев. Особенно пострадало мирное население Вьетнама.

Некоторые местные газеты назвали американскую интервенцию «войной без героев и без подвигов». Нет, возразил читатель газеты «Нью-Йорк пост», у войны были герои, и перечислил некоторые имена: Джейн Фонда, Бенджамин Спок, Даниэль Эллсберг... Я бы добавил студентов, расстрелянных вблизи Кентского университета, когда они протестовали против войны в Индокитае. Всех тех, кто мужественно выступал против агрессии, и тех 15 718 американских юношей, которые предстали перед судом как нарушители закона о воинской повинности. Совершенно очевидно, что выступление честной Америки против грязной войны, несомненно, способствовало сокращению ее срока.

Я беседовал с одним из участников антивоенного движения, вручившим в декабре прошлого года в Белом доме петицию протеста американских ученых против бомбардировок ДРВ, профессором Эвереттом Мендельсоном. Он заведует кафедрой истории естествознания в Гарвардском университете.

— Мы попали во Вьетнам, — сказал он, — в значительной мере благодаря устаревшим установкам холодной войны, согласно которым Америка должна вмешиваться повсюду в мире, чтобы «остановить коммунизм». Мы ошиблись в оценке воли вьетнамского народа и силы его национальных чувств. Мы также совершенно переоценили наши собственные стратегические возможности. Эта война, — сказал в заключение Мендельсон, — рвала наше общество на части. Многие ее шрамы надолго останутся с нами, многие американцы будут продолжать относиться с недоверием к администрации, которая нередко вводила ее в заблуждение. Нам, ученым, особенно важно не прекращать усилий в борьбе против использования знаний науки и техники ради войны и уничтожения, выработать меры, предотвращающие повторение всего этого в будущем.

Регистрируя победу, американские борцы за мир призывают к бдительности. Профессор Сидней Пек заявил от имени Народной коалиции в защиту мира и справедливости:

— После того, как силы мира добились успеха, заставив правительство США подписать Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме, движение за мир начинает кампанию за то, чтобы американская военщина окончательно убралась из Юго-Восточной Азии.

Сейчас в США одни люди прикидывают, как лучше использовать освобождающиеся после войны во Вьетнаме средства, но другие предупреждают, что Пентагон не допустит никакого «мирного дивиденда». Прогнозы относительно того, что проблемы американского общества «будет решать легче», должны еще выдержать испытание ближайшим временем.

Американский народ встретил мир во Вьетнаме с облегчением и полон горячего желания бдительно следить за дальнейшим ходом развития событий.

(Нью-Йорк, АПН для «Огонька».)

Г. ГЕРАСИМОВ

ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА С ЛЕ ДЫК ТХО

30 января Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев встретился с членом Политбюро, секретарем ЦК ПТВ, специальным советником делегации ДРВ на четырехстороннем совещании по Вьетнаму товарищем Ле Дык Тхо.

В беседе приняли участие: с советской стороны — секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, член ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко; с вьетнамской стороны — посол ДРВ в СССР Во Тхук Донг и посол РЮВ в СССР Данг Куанг Минь.

На снимке: во время встречи.

С ПОБЕДОЙ,

Той ночью наш старый московский двор жил необычной жизнью. Во всех окнах горел свет. Люди выбегали из своих квартир, обнимались, смеялись и плакали, поздравляли друг друга. Это была ночь с 8 на 9 мая 1945 года. Война кончилась! Победа!

...В жизни каждого человека есть дни, которые остаются в памяти навсегда. Для вьетнамской девушки Ван Ань Нгуен таким стал январский день 1973 года, когда пришла долгожданная весть об окончании войны во Вьетнаме, весть, которую ждали столько лет. Она застала Ван Ань в Советском Союзе. Девушка учится на четвертом курсе педагогического института в Волгограде и вместе со своими подругами приехала в Москву на каникулы.

День победы и праздник Нового года — тет Ван Ань (крайняя справа) и ее подруги встретили в Советском Союзе.

— Когда я услышала, что кончилась война, я заплакала от радости,— говорит Ань, и глаза ее сияют.— Трудно передать словами, что мы, вьетнамцы, переживали в эту минуту. Както само собой получилось, что все собрались у нас в комнате — хотелось быть вместе в такой волнующий момент. Не могу вспомнить, кто первый начал, только помню, что стали петь песни — наши, вьетнамские, и советские. В одной нашей песне поется об учительнице, которая у карты рассказывает детям, как прекрасна родная земля. Мы будущие педагоги, наверное, потому так полюбилась эта песня...

Наш разговор с Ван Ань происходил в пять часов вечера на второй день после войны. Мы сидели в фойе празднично украшенного Дома культуры железнодорожников перед началом вечера, посвященного традиционному вьетнамскому празднику тет — Новому году. Собралось много молодежи — вьетнамские студенты, которые учатся в наших вузах, представители советской общественности.

Вьетнамских друзей сердечно приветствовал председатель Центрального правления Общества советско-вьетнамской дружбы, Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Г. С. Титов.

Тепло встретили собравшиеся выступления посла ДРВ в СССР Во Тхук Донга, а также посла Республики Южный Вьетнам в СССР Данг Куанг Миня.

— В этом году у нас незабываемый праздник,— говорила Ван Ань,— не просто Новый год, но и праздник большой победы всего вьетнамского народа, который вот уже двое суток,— она взглянула на часы,— живет без войны. Интересно, что сейчас делают мама, папа и сестренка?

— А где они?

— Теперь в Ханое. Раньше наша семья жила на Юге, в Хюе. Письма получаю не часто. А когда были эти ужасные бомбежки, каждого письма ждала со страхом: живы ли? Совсем недавно я узнала о смерти моей лучшей подруги. Ее звали Хунг, она училась на четвертом курсе медицинского. Погибла во время бомбардировки Хайфона, всего за два месяца до победы...

Вы, советские люди,— продолжает Ван Ань,— хорошо знаете, что такое война. Я жи-

Старший лейтенант вьетнамской Народной армии Данг Фан Тхай.

ву и учусь в Волгограде, где каждая пядь земли пропитана кровью героев. Тридцать лет назад здесь шла великая битва с фашизмом. И почти столько же лет наш народ боролся за свободу и независимость родины. Мы всегда чувствовали помощь и поддержку братского советского народа. Я и мои товарищи учимся в Советском Союзе, и это одно из проявлений вашей помощи.

Мне не пришлось сражаться с оружием в руках против врага. Наш долг перед родиной — отлично учиться. К сожалению, на последней сессии я получила одну четверку.

— А как остальные экзамены?

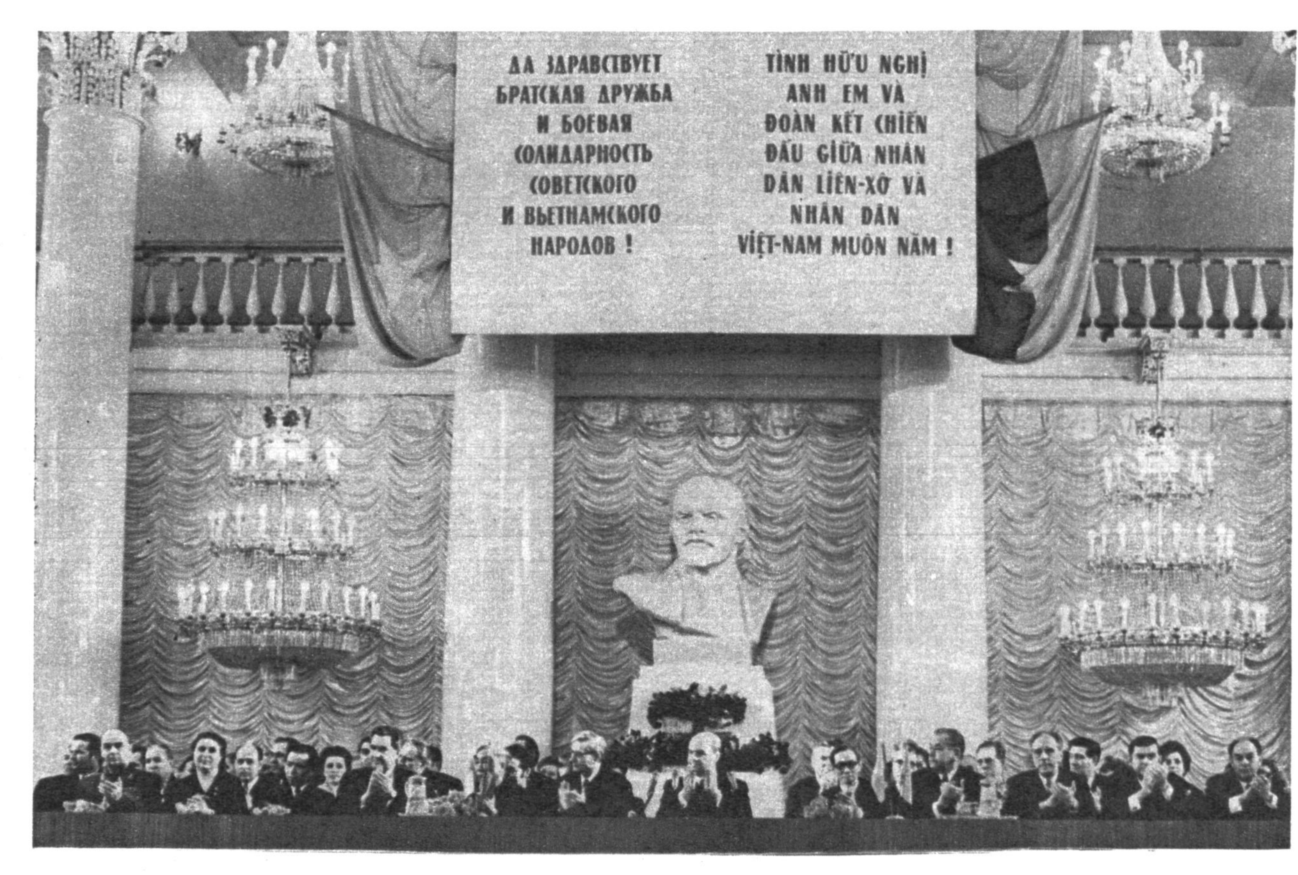
— Остальные — пятерки.

Я смотрю на хрупкую застенчивую девушку с черными косичками и представляю себе, как она впервые войдет в класс и начнет свой первый урок. Это будет урок физики. А в соседнем классе другой учитель начнет урок истории. Может быть, он расскажет своим ученикам о защитниках города Винь? Или темой урока будет сражение под Дьенбьенфу?

Для старшего лейтенанта вьетнамской Народной армии Данг Фан Тхая это не страницы истории, а его собственная биография. Он участвовал еще в войне за освобождение против французских колонизаторов. За его плечами 25 лет службы в армии. Орден «За боевые подвиги», орден «Славы» трех степеней, орден Победы и знак президента Хо Ши Мина — так отметила республика боевые заслуги мужественного воина.

— Военным я стал, чтобы защищать родину,— рассказывает Тхай.

Его отец погиб в боях с французскими колонизаторами. Два брата сражались в Южном Вьетнаме. Две сестры служат в армии ДРВ, жена работает в госпитале в Ханое.

Москва. Колонный зал Дома союзов. Здесь 30 января состоялся митинг представителей общественности столицы, посвященный победе вьетнамского народа. В президиуме тепло встреченные собравшимися товарищи А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, В. И. Долгих, И. В. Капитонов. Вместе с ними были член Политбюро, секретарь ЦК ПТВ, специальный советник делегации ДРВ на Парижском совещании по Вьетнаму Ле Дык Тхо, посол ДРВ в Советском Союзе Во Тхук Донг, посол Республики Южный Вьетнам в СССР Данг Куанг Минь, другие вьетнамские товарищи. Митинг открыл секретарь Московского городского комитета партии Л. И. Греков.

Фото М. Савина.

ВЬЕТНАМ!

— Никогда я не был так счастлив, как в эти первые дни мира. Они совпали с праздником тет. По традиции в такой день вся семья должна собираться вместе. Пока шла война, об этом не приходилось и мечтать. Теперь начинается мирная жизнь, и каждая семья обрела надежду на то, что родные и близкие смогут собраться под одним кровом.

Я спросила, о чем он сейчас мечтает.

— Хочется поскорее увидеть своих ребятишек. Их у меня трое. Старший сын Тунг кончает десятилетку, второй — Тхань — шестиклассник.

— И оба, наверно, хотят стать военными, как отец?

— Не знаю,— улыбается Тхань,— пусть выбирают любую профессию, дороги все открыты. Но если родине потребуется, станут солдатами. И еще у меня есть дочка. Мы назвали ее Фын Лин. Это имя образовано из двух слов — Вьетнам и Советский Союз. Оно означает, что мы всегда вместе. Горе и радость у нас общие. И радость победы, конечно, тоже. Я знаю, нашей стране предстоит много сделать, чтобы по-настоящему наладить мирную жизнь. Лежат в развалинах города и села, перепаханы бомбами поля и дороги. Но ничего. Справимся. Особенно если рядом настоящие друзья. А у Вьетнама они есть. Это в первую очередь Советский Союз, другие социалистические страны, тысячи и тысячи людей во всем мире!

Н. КРЫЛОВА

СЛОВО МАТЕРИ

А. Т. КАЗАЧОК,
бухгалтер московской трикотажной фабрики «Родина»

Когда я услышала по радио сообщение, что на вьетнамской земле прекращен огонь, я подумала: сегодня ночью там, во Вьетнаме, впервые за много лет спокойно будут спать матери. Их детям уж не грозит смерть. Не погибнут в боях старшие сыновья, не упадут вражеские бомбы на головы малышей... Какое это прекрасное слово — мир!

Мы, советские люди, умеем ценить мир и знаем, какой ценой он дается. Даже на нашей небольшой фабрике работает сейчас много людей, которые в годы войны потеряли родных и близких, получили тяжелые ранения. Нам ли, фронтовикам, не понять трагедии Вьетнама! Расскажу о себе. Я сталинградка. Когда в сорок втором году фашисты стали рваться к нашему городу, я вместе с подругами решила пойти на курсы медсестер, но попала в зенитные части. Там и узнала, что такое война в воздухе. И теперь, когда слышала о пиратских налетах американской авиации на Ханой, Хайфон и другие районы ДРВ, часто вспоминала переправу через Дон... Мы, зенитчики, охраняли ее от налетов, а они продолжались сутками,— казалось, не было минуты без вражеских самолетов. Мы стояли до последнего, пока хоть одна зенитка могла стрелять. Сколько наших девушек погибло...

Моей дочери сейчас двадцать один год — столько же, сколько было мне в те фронтовые годы. И хотя ей не угрожают бомбы, я прекрасно понимаю чувства вьетнамских матерей. Их дети дежурили у зениток, отражали налеты врага и гибли под разрывами бомб, а каждой матери легче умереть самой, чем пережить смерть детей. Трудно даже представить, сколько горя пришло на вьетнамскую землю за годы американской агрессии!

Война во Вьетнаме завершилась долгожданной победой вьетнамского народа. Сейчас на этой многострадальной земле праздник. Я помню, как мы, пройдя всю войну, ликовали в первый день Победы в сорок пятом году. Теперь такой счастливый праздник будет и в истории вьетнамского народа. Мы всегда верили, что этот день настанет, потому что народ, который борется за справедливость,— непобедим!

Орден Ленина — на знамени научно-технических обществ. **Фото А. Пахомова.**

ТВОРЧЕСКИЙ СОЮЗ ТРУДА И НАУКИ

Огромную армию работников науки и производства — около шести миллионов человек — объединяют ныне научно-технические общества СССР. Они ведут неустанную борьбу за ускорение научно-технического прогресса в народном хозяйстве, за повышение эффективности исследовательских работ, широкую реализацию достижений науки и техники в производстве.

24 января в Большом Кремлевском дворце собралось более тысячи делегатов на IV Всесоюзный съезд научно-технических обществ, чтобы подвести итоги проделанной работы, обсудить задачи, стоящие перед научно-технической общественностью страны в третьем, решающем году пятилетки. В зале видные советские ученые, активисты обществ, ответственные работники министерств и ведомств, представители партийных и общественных организаций.

Собравшиеся тепло встретили товарищей А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулакова, А. Я. Пельше, А. Н. Шелепина, П. Н. Демичева, В. И. Долгих, И. В. Капитонова.

Тепло встреченный делегатами и гостями, с речью выступил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС товарищ А. П. Кириленко.

«Превращение НТО в подлинно массовую, творческую организацию, бескорыстная работа в ней широких слоев научно-технической интеллигенции и рабочих стали возможны только при социализме и являются его крупным завоеванием,— сказал товарищ А. П. Кириленко.— Теперь это неотъемлемая часть системы, призванной обеспечивать соединение науки с производством, одна из действенных форм социалистической демократии.

Активное участие в работе НТО способствует формированию человека как сознательного гражданина и раскрытию его творческих возможностей. Здесь воедино сливаются общественные и личные интересы трудящегося...

История научно-технических обществ знает немало больших и полезных дел. Они внесли весомый вклад в разработку и осуществление планов ГОЭЛРО и индустриализации страны, в создание новых отраслей производства, строительство крупных промышленных объектов, техническое перевооружение народного хозяйства...

...НТО — это самодеятельные творческие организации, призванные вести научный поиск, разрабатывать пути решения не только отраслевых, но и комплексных хозяйственных и технических проблем».

Товарищ А. П. Кириленко огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении научно-технических обществ орденом Ленина и прикрепил орден к знамени НТО.

С отчетным докладом на съезде выступил председатель Всесоюзного совета научно-технических обществ академик А. Ю. Ишлинский.

Выступавшие в прениях видные советские ученые отмечали, что достижение практических результатов, создание новой техники и технологии, позволяющей значительно повысить производительность труда и качество продукции, должны стать важнейшей задачей работы всех организаций НТО.

26 января IV Всесоюзный съезд научно-технических обществ закончил свою работу.

Единодушно, с большим подъемом приняли участники съезда приветственное письмо Центральному Комитету КПСС.

Как сообщает ЦСУ СССР, успешно завершила минувший год нефтеперерабатывающая и нефтехимическая промышленность. Среди передовых предприятий — Полоцкий нефтеперерабатывающий завод.

Фото Г. Усламова (ТАСС).

ТВОИ ШАГИ, ПЯТИЛЕТКА!

В печати опубликовано сообщение ЦСУ СССР об итогах выполнения Государственного плана развития народного хозяйства СССР в 1972 году.

Трудящиеся Советского Союза, претворяя в жизнь решения XXIV съезда КПСС, на основе широко развернувшегося социалистического соревнования в честь 50-летия образования СССР, добились во втором году пятилетки дальнейшего подъема экономики, развития науки и культуры. Последовательно осуществлялась программа повышения народного благосостояния.

Вот некоторые показатели развития народного хозяйства в минувшем году (в процентах, по отношению к 1971 году).

104 — национальный доход, использованный на потребление и накопление.

106,5 — продукция промышленности.

106,8 — производство средств производства (группа «А»).

106 — производство предметов потребления (группа «Б»).

95,4 — продукция сельского хозяйства: общий объем продукции сельского хозяйства хотя и несколько ниже предшествующего года, но больше среднегодового производства в предыдущей пятилетке.

106,4 — общественные фонды потребления.

103,7 — реальные доходы на душу населения.

106,9 — розничный товарооборот.

110 — бытовые услуги населению.

Около 34 миллионов человек получили в 1971 и 1972 годах повышение заработной платы, пенсии и стипендии.

248,6 миллиона человек — такова общая численность населения Советского Союза на 1 января 1973 года.

Фото В. Климова

ПАМЯТНИК АЛЕКСАНДРУ ФАДЕЕВУ

25 января на Миусской площади в Москве был торжественно открыт памятник выдающемуся советскому писателю, пламенному патриоту Александру Фадееву. Скульптором Владимиром Федоровым и архитекторами Маратом Константиновым и Владимиром Фурсовым создан мемориальный комплекс, в котором рядом с писателем навеки запечатлены герои его произведений — партизаны гражданской войны, молодогвардейцы.

Торжественный митинг открыл председатель исполкома Моссовета В. Ф. Промыслов. С речью о творчестве А. А. Фадеева выступил первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. М. Марков. На митинге присутствовали кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС П. Н. Демичев и М. С. Соломенцев.

ВСЕГДА НАЧЕКУ

Евгений ВУЧЕТИЧ,
народный художник СССР

Есть на Красной площади, у высокой кремлевской стены, скромная братская могила, где вечным сном спят вот уже полвека два солдата Великого Октября, похороненные с почестями пролетариями революционной Москвы.

Егор Швырков и Семен Пикалов, павшие в схватке с контрреволюционными бандитами от их пуль в те далекие, суровые дни, были первыми воинами красной милиции, рабоче-крестьянской охраны молодого государства Советов.

И по сей день в истории советской милиции они остались как одни из первых бойцов революционного правопорядка, как бессмертный образец мужества.

Я вспомнил еще и еще раз об этих славных воинах, глядя на полотно В. Гольцова «Первые дни советской милиции», экспонированное на Всесоюзной художественной выставке «Всегда начеку», организованной в Москве в конце минувшего года в ознаменование пятидесятилетия образования СССР.

Октябрьскую революцию я помню как одно из наиболее ярких впечатлений моего детства и также помню красноармейца в буденовке, матроса в бескозырке и бушлате и облик красного милиционера в форменной фуражке и синей шинели.

И вот на картине художника Гольцова возникают эти люди, еще в грубых башмаках и обмотках, но с той непоколебимой волей и с той зоркостью, которые и по сей день заставляют мысленно обернуться в прошлое и отдать должное бессмертным дедам и отцам нашим, которые, не щадя жизни, бились в ту пору за интересы Советского государства и каждого советского человека.

Мы хорошо помним, что у колыбели советской милиции стояли такие пламенные большевики-ленинцы, как Феликс Эдмундович Дзержинский, Вячеслав Рудольфович Менжинский и Григорий Иванович Петровский. И очень хорошо, что на Всесоюзной выставке можно было увидеть их портреты, связанные с историей советской милиции, с ее золотыми страницами октябрьской поры.

Портрет Менжинского принадлежит кисти одного из старейших русских советских живописцев, Василия Никитича Мешкова.

Портрет Менжинского был им написан уже в зрелом возрасте, и облик бесстрашного и мудрого чекиста как бы возвращает нас в то нелегкое, романтическое и героическое время, которое открыло миру великую плеяду солдат победоносной революции.

Вот еще один из рядовых Октября... Ян Петрович Калнынь. Это он в первые дни Великой революции стоял в Смольном в охране Ленина. Это он сопровождал поезд, перевозивший правительство Советов из Петрограда в Москву, причем партия доверила ему самый ответственный пост — вагон, где ехал Ильич. Он был участником раскрытия заговора Локкарта, участвовал в ликвидации мятежа левых эсеров. Он воевал с оружием в руках на фронтах гражданской и Великой Отечественной. И сейчас он в первых рядах активных строителей коммунизма.

Поэтична картина И. Зариньша «На новый порог», воскрешающая подвиг красной милиции послеоктябрьских лет, когда она взяла на себя основное бремя забот о беспризорниках, детях павших красноармейцев и партизан, детях миллионов умерших от голода и сыпняка. Как легенда остался этот подвиг, наполненный подлинным революционным гуманизмом.

И, быть может, не один из пожилых зрителей выставки, которым за пятьдесят, угадывал в этом незатейливом сюжете свое далекое детство.

Множество произведений этой выставки как бы проиллюстрировало не только исторический маршрут советской милиции из «вчера в завтра», ее обновленный временем внешний вид, портреты ее достойных представителей всех поколений, но и стало первой масштабной попыткой показать все многообразие событий и дел, связанных с нею. Можно сказать, что за все время истории советской милиции не было еще столь объемной Всесоюзной выставки, как «Всегда начеку», в которой приняли участие многие крупнейшие художники, действительные члены Академии художеств СССР, народные художники СССР и ряд молодых живописцев, скульпторов и графиков наших братских национальных республик. Невозможно в короткой статье перечислить эти интересные и значительные работы и назвать имена их авторов.

Но вместе с тем я бы хотел отметить, что далеко не все экспонированные работы равноценны и сомасштабны по уровню и содержанию поставленной перед художниками задачи.

Выставку эту, как, впрочем, и многие другие, постигло «нашествие» произведений иногда невысокого качества, и это тем более огорчительно, что сегодняшний день советской милиции заслуживает все-таки более высокого художественного отображения в изобразительном искусстве. В самом деле, борьба за утверждение социалистического правопорядка стала воистину всенародным делом. Героика прошлого переплетается здесь с высоким профессиональным уровнем деятельности органов внутренних дел в наши годы. На помощь солдатам порядка пришли достижения науки и техники, неизмеримо вырос и общий уровень тружеников милиции, их образование и культура, их политическая зрелость, их государственный взгляд на свою нелегкую, но почетную работу. И советские художники, как и вся творческая интеллигенция, отображая их боевую службу средствами искусства, тем самым способствуют дальнейшему повышению престижа советской милиции в глазах народа. Я уж не говорю о множестве таких деяний наших друзей, не знающих отдыха и покоя, которые вызывают желание воссоздать эти славные подвиги кистью и резцом.

Не столь давно я прочитал в альманахе «Мужество» новеллу Петра Дьячкова «Человек с Красной площади». Это документальный рассказ о милиционере Николае Савватеевиче Белкове. Отец его был пролетарием-кузнецом, а потом красногвардейцем. Дрался красногвардеец Белков в Лефортове, на Арбате и одним из первых ворвался в Кремль. Так и связала его в дальнейшем судьба с Кремлем, с ответственной и почетной службой в Совнаркоме, в охране Ленина. Здесь же в только что открытой школе стал учиться и Коля Белков, и был он одним из счастливцев, который не только видел и слышал живого Ильича, но и вместе с другими детьми трудился на знаменитом субботнике. Без малого полвека минуло после смерти Ленина, и с тех пор неиссякаем поток миллионов, устремленный к Ильичу. И стоит на своем посту день за днем на Красной площади милиционер Николай Савватеевич Белков, солдат, сын солдата.

Сколько прекрасных сюжетов для искусства таит в себе эта биография, но к воссозданию такого рода сюжетов должны обращаться трепетно наши товарищи по искусству, с пониманием своей высокой художественной ответственности!

Выставка эта стала для меня поводом поделиться с читателем, зрителем и своими собратьями по профессии — художниками думами о дальнейшем. Видимо, надо продолжить и утвердить практику государственного заказа, имея в виду необходимость максимального воплощения в живописи многообразной и сложной тематики советской милиции.

Подвиги мужественных героев советской милиции неисчислимы. Порой мы не можем себе представить всю масштабность этих свершений только потому, что самоотверженный труд этих людей проходит буквально ежедневно у нас на глазах. И редко кто задумается о том, что массовый героизм в нашей милиции, как и в армии и на флоте, неотделим от служебного долга.

Боевой пост Егора Швыркова и Семена Пикалова бессмертен! От суровых первых постов октябрьской эпохи до наших дней несут этот пост солдаты порядка, наследники вечной славы дедов и отцов.

Замечательные образы этих героев соответствуют и не менее замечательным проявлениям отваги и доблести в самых разных обстоятельствах на всей неоглядной территории нашей страны.

Проходит великое множество примеров отваги, проявленной этими людьми в последние годы, примеров, достойных кисти и резца советских художников. Есть в советской милиции и свой Маресьев. Это ставший живой легендой капитан Сергей Безуглов, который, преследуя опасного преступника, попал под колеса поезда.

Истекая кровью, он нашел в себе силы и мужество сообщить подоспевшим товарищам по службе приметы преступника. Тот был задержан. Тяжелую операцию перенес Безуглов: ему ампутировали ноги. Однако герой остался в строю, и после длительных тренировок на протезах он снова на боевом посту.

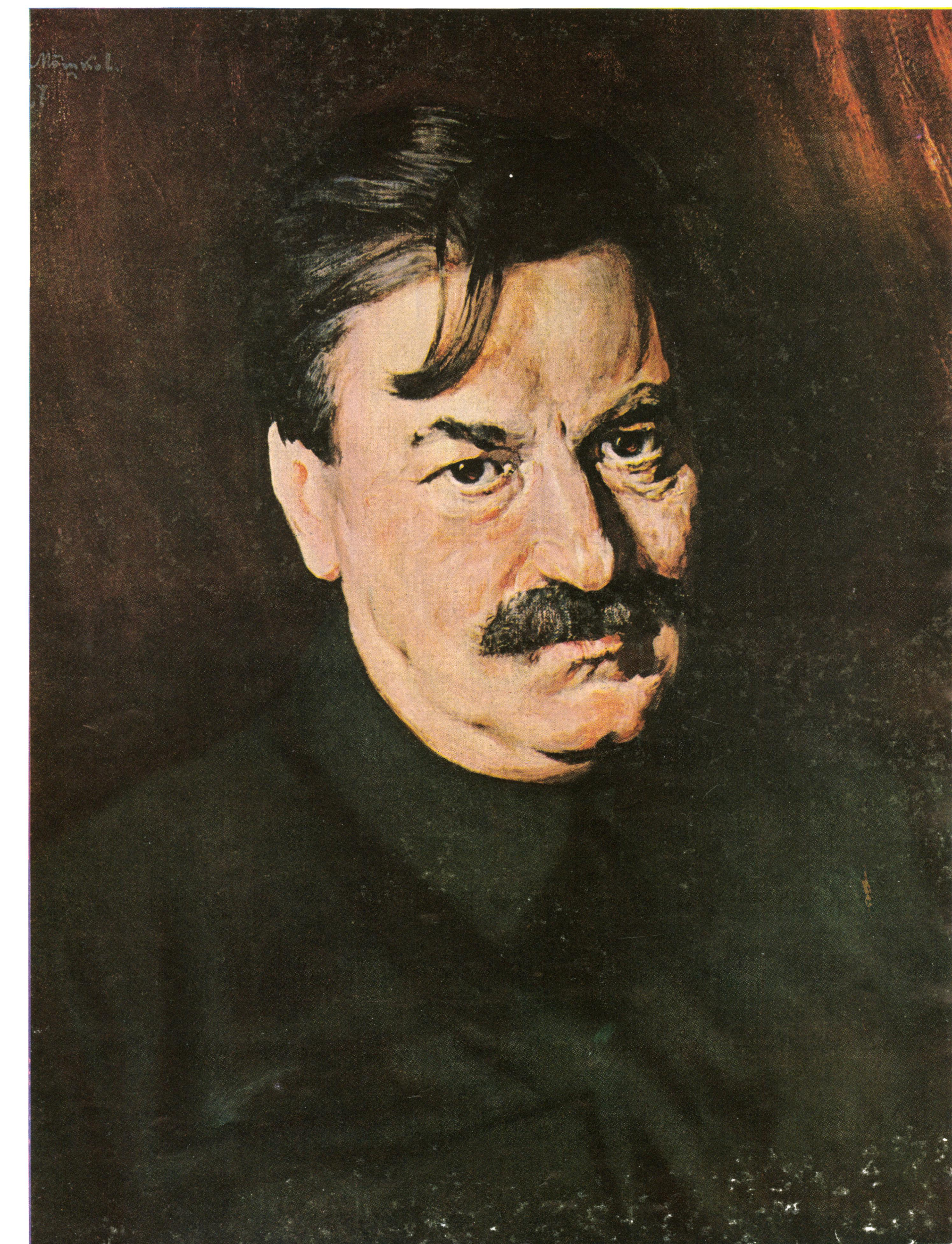
Невозможно перечислить все подвиги нашей славной советской милиции. А ведь сколько их, этих скромных героев, работников органов внутренних дел, спасают детей, женщин и стариков во время наводнения, тушат пожары, останавливают на ходу мчащиеся машины с нарушителями правопорядка, ценою жизни останавливают коварную руку бандитов, покушающихся на жизнь и покой советских людей!

Всегда начеку!

Это — на редкость удачное название для экспозиции художественных произведений, отображающих чекистскую героику, героику славной милиции, солдат социалистического правопорядка. Но это и обязывающий девиз, который стимулирует дальнейшие творческие усилия по отображению этой героики, в которой как в капле воды отображен подвиг народа, свято хранящего завоевания Октября, незыблемость и крепость своего Советского государства. Как справедливо поется в одной из наших сегодняшних песен: «...часовые не спят, и за эту заботу им обязана сердцем родная страна...»

В. Мешков. 1867—1946. ПОРТРЕТ В. Р. МЕНЖИНСКОГО. 1927.

Всесоюзная художественная выставка «Всегда начеку».

И. Заринь (Рига). НА НОВЫЙ ПОРОГ.

Всесоюзная художественная выставка «Всегда начеку».

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ТВОРЧЕСКИЕ ПРОЗРЕНИЯ ЭЙЗЕНШТЕЙНА...

Ник. ГРОМОВ

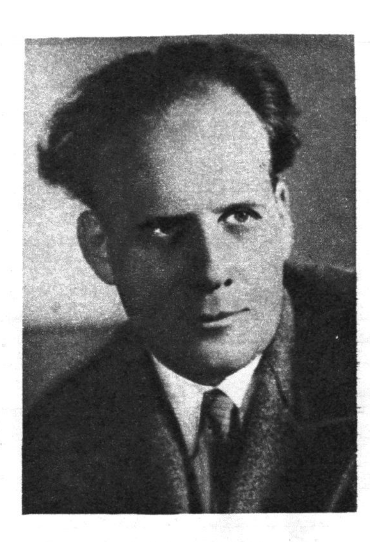
Это кажется почти невероятным: когда кино лишь возникало как явление художественного порядка, на самой заре жизни новой музы искусств, появился фильм, и по сей день признаваемый самыми авторитетными ценителями выдающимся произведением. Назывался фильм «Броненосец «Потемкин». Добавим к этому, что картина была снята в кратчайшие сроки, а создателю ее исполнилось 27 лет. С того времени имя Сергея Михайловича Эйзенштейна известно всюду: в мире нет ни одного крупного мастера киноискусства, который не испытывал бы на себе могучего влияния гениального советского режиссера.

В чем же величие фильма, в чем непреходящее значение этого бессмертного шедевра и для нынешних дней?

В картине Эйзенштейна с небывалой силой воспета мощь восставшего народа, торжество революционного порыва. В ней жила и живет ярость против порабощения человека.

Эйзенштейн открыл невиданные возможности эмоционального воздействия кинематографа на наши разум и сердце. Поэтому-то специалисты из многих стран мира тщательнейшим образом изучают не только фильм в целом, но и его отдельные сцены, кадры, специфику монтажа, чтобы уяснить, как возникло чудо художественного созидания. Но оно, это чудо, не всегда поддается такому разъятию; оно живет, подобно живому организму, оставаясь образцом высочайшего, можно смело сказать, идеального совпадения содержания и формы, замысла и воплощения.

При одном только упоминании имени Сергея Эйзенштейна сразу возникает в сознании фильм «Броненосец «Потемкин». В лучах бессмертной славы этого произведения как-то меркнут другие работы режиссера, а ведь они столь же замечательны. В них Эйзенштейн опять предстает неутомимым искателем и первопроходцем. К 10-летней годовщине Октября он вместе со своим соавтором и верным соратником Григорием Александровым закончил фильм, который так и назывался — «Октябрь» (совсем недавно эта картина восстановлена и пошла на экранах страны).

В конце тридцатых годов с потрясающим успехом пошел фильм Эйзенштейна «Александр Невский». Картина звучала так современно, так горячо воспринимались зрителями ее идеи и образы, что в дни Отечественной войны фильм вдохновлял народ на подвиги.

Блестящим выражением глубины режиссерских исканий Эйзенштейна стал двухсерийный «Иван Грозный». Картина и поныне восхищает неукротимым накалом страстей, неожиданностью и яркостью мизансцен, полифоническим звучанием. В фильме проявилась превосходная работа режиссера с исполнителями, тонкость в разработке психологически разных, борющихся характеров...

Все, кто хорошо знал Эйзенштейна, с удивлением говорят о его энциклопедичности, необозримой широте интересов. Режиссер, теоретик, писатель... Вот передо мною альбом рисунков Эйзенштейна, сделанных им, когда он работал в Мексике. Хочется привести несколько слов из предисловия Инги Каретниковой к этой книге: «Как-то Давид Альфаро Сикейрос сказал, что Мексика была дважды открыта Европой. Сначала оружием и жестокостью идальго из Эстремадуры, конкистадора Фернандо Кортеса, затем, четыре века спустя, прозрениями творчества гениального советского режиссера Сергея Эйзенштейна...»

Можно ли лучше сказать о горячем сердце основоположника искусства кино, истинного советского художника-интернационалиста?

СЧАСТЛИВЫЙ ДАР

К 70-ЛЕТИЮ М. И. БЛАНТЕРА

Борис АЛЕКСАНДРОВ,
народный артист СССР

Не всякому дано в малой капле увидеть море, в легком ветре предвидеть бурю, в едином слове уловить целую гамму чувств. Но еще более редкий и счастливый дар — уметь это свое видение, эти чувства поведать людям так, чтобы и они поверили в романтику будней, в реальность героизма, доступного каждому человеку, приобщенному к высокой мечте.

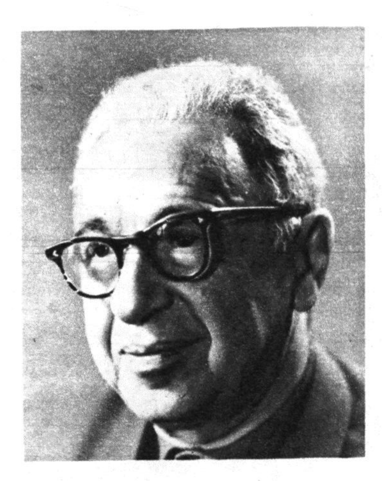
Таким счастливым даром обладает замечательный советский композитор, народный артист РСФСР Матвей Исаакович Блантер. Очень характерна в этом смысле хорошо известная история его песни «Партизан Железняк», где и сюжет стихов Михаила Голодного и само имя героя одинаково являются художественным вымыслом. Однако разлетевшаяся по миру песня Блантера вдруг неожиданно разыскала живой прообраз человека — реально существовавшего партизана Железнякова. Ожил и курган, о котором говорится в стихах. Нашлись люди, свято хранящие память о легендарном герое.

А знаменитая на весь свет «Катюша»! Это простое русское имя, воспетое поэтом М. Исаковским и прославленное затем в замечательной, всем известной песне Матвея Блантера, стало символом неизбывной любви к Родине, символом непоколебимой стойкости советского человека в борьбе.

Их можно перечислять долго — чудесные песни Блантера, гимны простому человеку, способному на подвиг.

Может быть, поэтому-то особенно любит петь эти песни молодежь. Постоянно поют их и профессиональные и самодеятельные хоры, армейские ансамбли. Без песен Блантера не обходится, наверное, ни один концерт на наших эстрадах.

Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии имени А. Александрова с первых дней взял на вооружение творчество Матвея Блантера. Кажется, не было у нас ни одной программы, где не звучали бы его песни. Мы не раз были первыми исполнителями, и это всегда приносило неизменный успех ансамблю и новые творческие открытия исполнителям. Эти

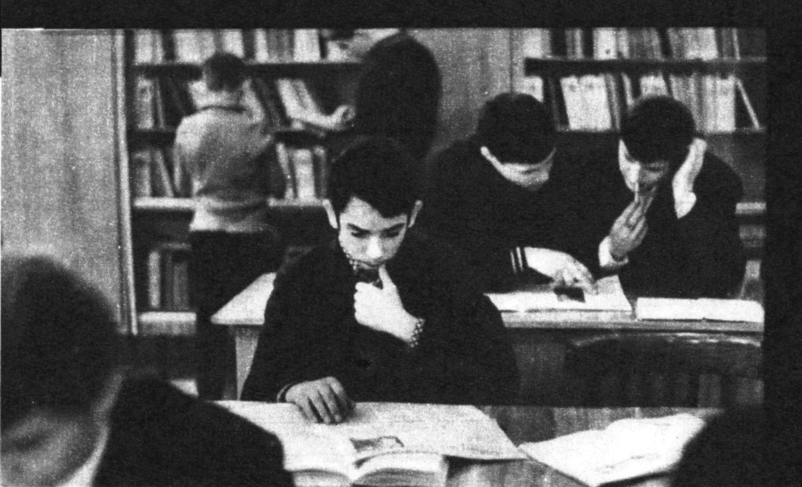
песни с первого же знакомства захватывали, поднимали, рождали бодрость и оптимизм, будто открывая каждый раз еще какую-то новую, скрытую до того струну эмоционального звучания...

Сегодня мы рады поздравить композитора Блантера с днем рождения: ведь мы ждем от композитора новых творческих свершений, подсказанных большой жизнью, раздумьями и талантом.

МАТЕРИНСТВО ЗЕ

Председатель колхоза имени XXII съезда КПСС И. З. Мальцис.

Долгий зимний вечер. Читальный зал в Новосельском Доме культуры.

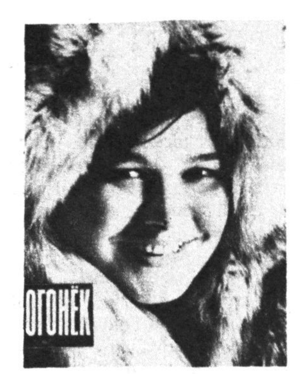

С ферм, полей, из мастерских приходят колхозники на репетиции ансамбля колхоза имени XXII съезда КПСС.

Колхозный прораб Анатолий Данилов с дочкой Леночкой.

Начало см. на 2-й стр. обложки.

И ОБРЕЛ В СЕРДЦЕ СВОЕМ...

Было время, когда я почти каждый год, только бы распуститься сирени, торопился на Владимирщину — наверное, влекла жажда приобщения к великой красоте Суздаля. А быть может, гнало неосознанное чувство вины перед тамошними селами: в ту пору, лет пятнадцать назад, села и деревни Владимирского Ополья обезлюдели, они как бы смирились с хроническими неурожаями. И странно было однажды узнать, что летописцы называли эти серые, выпаханные подзолы черноземами; что из-за них насмерть дрались князья да бояре, а лет триста тридцать назад Суздаль был назначен в приданое датскому королевичу... И не покидала догадка: были, были воистину плодородными эти земли! Иначе зачем же здесь столь дерзко запахивали обширную пашню, творили дивную красоту именитые и безымянные современники Андрея Рублева!

Не чья-то прихоть, а удачливость земледельцев, богатство рек и недальних лесов прославили Владимирское Ополье. Это было давно, очень давно. Потом, казалось, земля умерла. Рожь расхотела рожать. За века произошла естественная деградация почв. Урожайность зерновых в Суздальском районе в самом начале пятидесятых годов едва составляла шесть центнеров. За следующее десятилетие намолот с гектара увеличился только на несколько килограммов.

Вот почему Владимирское Ополье мне вспоминалось чаще всего с тоской: то вдруг у поля новой пшеницы с тяжелыми, словно кованными на заказ колосьями, то и вовсе некстати — на крутых, горячих виноградниках молдаван. И манил к себе по-прежнему ржаной окоем великого по истории Ополья. Тем более что, по слухам, дела там за предыдущее пятилетие здорово поправились.

Жемчужиной Нечерноземной России считались когда-то районы Владимирщины: Суздальский, Юрьев-Польский, Александровский... Здешней земледельческой культуре не менее восьмисот лет. Не удивительно, что поля нуждались в капитальном ремонте, да, видно, всё руки не доходили. Предел мечтаний — стопудовый урожай, то есть шестнадцать центнеров зерна с гектара, никак не давался. Больше одиннадцати в Суздальском районе намолотить не могли даже в 1965 году, а тот год был на диво благоприятным (дожди, вёдро). Ярун — бог плодородия в древнем Суздале — веками ничем о себе не напоминал.

— Земле надо дать. И дать вовремя! — так сказал о суздальской земле первый секретарь райкома партии Василий Михайлович Ковалев.

Василий Михайлович в разговоре начал с главного. В минувшем году, редком по стечению неблагоприятных погодных условий, урожайность зерновых все же превысила здесь двадцать центнеров. По существу, даже в год засухи суздальцы вырастили два урожая, если вспомнить идеальный по тем же погодным условиям 1965 год. Это в среднем. Отдельные же хозяйства намолотили почти по тридцать центнеров зерна с гектара! Больше двадцати девяти центнеров взяли на круг, например, в колхозе имени XXII съезда КПСС, где председательствует умнющий И. З. Мальцис, чуть меньше — с обширнейших полей областной Опытной станции, а в колхозе имени Батурина — ровно двадцать девять. Район все-таки одолел «предел» стопудового урожая. А теперь и сто пятьдесят (двадцать четыре центнера) — позиция вполне реальная. Таково, между прочим, обязательство по зерну на нынешний, 1973 год! Основание? За пять лет урожайность выросла вдвое. Отбросим нетипичный для минувшего десятилетия 1972 сельскохозяйственный год, отбросим и увидим, что на земле Суздальского района зерна стали производить вместо 23 тысяч тонн более 86 тысяч. А хлеба продает район чуть ли не вчетверо больше, чем десять лет назад. Картофеля — вдвое, мяса — вчетверо, молока — вдвое больше, яиц — в пять раз больше, фруктов — в пять с половиной... Вот вам и староземелье!

Я понимаю, что подобные подсчеты — «во сколько раз больше стало, чем было» — не для всех убедительны (отсчет-то приходится вести от урожайности «сам-три»...). Но хочу напомнить, что разговор о Нечерноземье — особый разговор. Уж больно мало внимания, бывало, уделялось местам древнего нашего отечественного земледелия. Да и сейчас на сто гектаров колхозных угодий здесь приходится не более шести трудоспособных. Отсюда ставка на зерно, производство которого наиболее машинизировано, ставка на возрождение плодородия. Это район бурной агрохимизации. Любые цифры здесь устаревают с каждым годом.

Вот какие в Суздале перемены!

А за окном под снегом зимнее Ополье.

ЭФФЕКТ ПРИСУТСТВИЯ СУЗДАЛЯ

Новое Село, то есть колхоз имени XXII съезда КПСС, оставило наибольшее впечатление. От него, как от частного, хотелось перейти к общему, к самому для меня интересному: как удалось поднять плодородие полей во всем районе? И тут как нельзя кстати главный агроном района Владимир Сергеевич Иванов нашел время показать несколько хозяйств. А разговор в дороге всегда откровенен.

По пути в село Мордыш Владимир Сергеевич остановил машину на лобастом взгорке. Вышли. Тогда еще снег не лег, и поля, схваченные ледяной коркой, проблескивали далеко на все четыре стороны. Мы стояли как бы на макушке Владимирского Ополья. Хорошо высвечивали белокаменные стены Суздальского кремля, его храмы и палаты. Там и тут были расстелены редкие холсты недружного снега. Над линией земли тянулись дымы Владимира. А совсем рядом лежали разноцветные избы суздальских сел: там Баскаково, тут Васильково, вон и Батыево, и Раменьки, и Порецкое. Села древние, упоминаемые неоднократно в старых, еще рукописных книгах. Теперь это все совхозы и колхозы. Я залюбовался открывшимся простором, а Владимир Сергеевич тем временем выбирал место поблизости для площадки под сельскохозяйственную авиацию. Самолеты очень помогают, без них не внести бы столь возросшего количества удобрений. И все же...

— Только половина полей накормлена,— сказал, возвращаясь в машину, Владимир Сергеевич.— Земли здорово выпаханы. Фосфора мало. Рост урожаев привел к сильному выносу и калия... А ведь мы, служба агрономии, должны доказать способность Нечерноземной России давать ежегодно полтора миллиарда пудов хлеба!

Полтора... Их голыми руками не взять. Суз-

даль в последние годы обратил на себя внимание. Здесь осуществляется программа сплошной химизации. Все хозяйства четвертый год на полном хозрасчете. В районе созданы семьдесят механизированных звеньев на выращивании картофеля, корнеплодов, кукурузы. Но главное слово — за удобрениями. Их вносят все еще не по полной норме — пять-шесть центнеров на гектар.

Владимир Сергеевич нарисовал агрономический, что ли, портрет своих владений. На юге страны, где земледельческой культуре не более двух с половиной веков, хлеборобы частью эксплуатируют силу довольно мощного черноземного слоя. А вокруг Суздаля, хотя еще и робко, осуществляется программа интенсификации на землях старых, отдавших все запасы питательных веществ. Здесь взаимоотношения человека с землей куда сложнее. Хлеба долгое время росли буквально на голодном пайке, и они привыкли, как это ни странно звучит, голодать. Химизация подтолкнула урожайность. Но старые сорта не были готовы к этому толчку. Урожаи поднялись и замерли на отметке в двадцать центнеров. А животноводство требует: «Даешь сорок!»

Владимир Сергеевич рассказал, что, опираясь на областную Опытную станцию, где он и сам недавно работал управляющим отделения, пришлось сменить слабый сортовой состав зерновых культур. Химия полей потребовала тех новых сортов, которые умеют усвоить повышенные нормы удобрений, которые способны отозваться на комплекс агромероприятий высокими, стабильными урожаями. Но большой хлеб стал из года в год полегать. Рожь оказалась неспособной конкурировать по урожайности с озимой пшеницей. Ячменя же вообще не знали, и лишь теперь вот ставка на него, как на лучшую здесь фуражную культуру. Но и ячмень при высокой норме удобрений полегает.

Мы говорили о проблеме оврагов, и о пересмотре севооборотов, и о громадной помощи областной агрохимической лаборатории — теперь ни центнера, ни килограмма удобрений не вносят вслепую. Говорили о решающем влиянии на экономику района, которое оказывает отличное хозяйство областной Опытной станции. Даже в минувшем засушливом году станция продала семян элиты и первой репродукции больше трех тысяч тонн (вдвое больше плана). Именно пример Опытной станции говорит о том, что суздальская земля может давать и по 60 центнеров зерна. А столько уже намолачивают здесь на отдельных участках, например, ячменя!

Теперь новая карта севооборотов станции выглядит даже куда привлекательнее — поля расширены, они будут ныне занимать вместо 160 гектаров до 250! На таких полях более производительна работа механизаторов и авиации (меньше лишних разворотов, петель). Коэффициент использования земли повысился — уничтожены многие овраги, былые полосы отчуждения включены в поля, оставлены только необходимые дороги.

Главный агроном рассказывал о нови старой земли сдержанно, без похвальбы, но страстно.

— Ну, а сейчас Ополье спит. Зимой мы готовим пищу для растений,— закончил свой рассказ Иванов.— Опровергаем сложившееся представление о мужике, зимующем на печке...

Торф возят сейчас почти все хозяйства. И подумалось: а не зря ли по варварской традиции тонны торфа до сих пор сжигают в топках котельных и теплоэлектростанций? Это же все равно что сжигать тысячами тонн еще не рожденное зерно...

Правление колхоза «Заря коммунизма» — просторный бревенчатый дом, пропахший смолой. Хорошо протоплены печи. Колхозный агроном Тамара Алексеевна Ракова — человек в районе авторитетный, кавалер ордена Ленина. Скоро уже двадцать лет, как агрономом, и все в одном хозяйстве! Так вот и она поддержала ту мысль Владимира Сергеевича, что судьба озими вызывает тревогу. Снега уж больно долго не было. Поля под коркой, озимые ушли в зиму слабыми. Где вовсе не взошли, а где и взошли, так не раскустились.

— Бывало, к рождественским морозам снегу под провода нанесет — возы задевали! — заметила Тамара Алексеевна.— Одна надежда на химию. Я нынче рассчитала: под урожаи нам надо до пятисот тонн одних только азотных удобрений!..

Ракова взяла карандаш. В колхозе тысяча голов крупного рогатого скота, двадцать тысяч кур, вдвое больше цыплят, имеются и свиньи. Выходит, что при таком поголовье скота нужно собирать не менее сорока центнеров (чем не Кубань?). Но, чтобы столько зерна получить, надо внести до ста — ста двадцати килограммов действующих веществ — это, кажется, не менее четырех центнеров азотных удобрений. Тамара Алексеевна — агроном — программирует урожай с обязательным учетом потребностей ферм! Это, что ни говорите, ново.

Но она тут же говорит, что качество минеральных удобрений все еще низкое. Возят из края в край и в почву вносят много балласта. Суперфосфат, например, содержит менее пятой части действующего вещества, аммиачная селитра — не более тридцати четырех килограммов на центнер... Если брать не вал «минералки», а только расчет по действующему веществу, то получается, что район пока имеет удобрений не более сорока килограммов на гектар.

— С ними мы порога урожайности в двадцать четыре центнера не перешагнем! — сетует Владимир Сергеевич.— А перешагнуть жизнь требует!

Я слушал главного агронома и помнил, что речь идет об усредненных цифрах. И Мальцис из Нового Села, о нем речь впереди, и Тамара Алексеевна в «Заре коммунизма», и Герасим Иванович Ковалев, главный агроном областной Опытной станции,— все они вносят чуть ли не вдвое больше среднерайонного. Что это значит? Значит, есть еще хозяйства, которые не вносят и такого количества удобрений, которое необходимо для строительства урожая в сто пятьдесят пудов (24 центнера). Вот где он, резерв!..

Тамара Алексеевна вдруг заспешила. Оказалось, не в поле и не в район, а... на свадьбу! В колхозе «Заря коммунизма» обычно свадьбы празднуют дружно. И колхоз непременно одаривает молодых, всячески привечает. Вот и сейчас агроном спешит с подарком от правления, со словами напутствия. И на ходу замечает:

— У нас в колхозе немало «зятьев». Самые почетные люди! Так мы в шутку называем парней, женившихся на наших местных девчатах. Они и есть зятья, а кто же!

КТО СКАЗАЛ, ЧТО ЗЕМЛЯ УМЕРЛА! НЕТ...

Потянул на себя тяжелую дверь коровника, вошел. И сразу обдало живым теплом, сенным духом. И еще пахло почему-то лесом. Коровник был новый, светлый. И сухой. Перед мордами коров грудились хорошие навильники сена. Коровы лежали, округло выпятив бока, и молчали, скосив на меня огромные и тоже выпуклые глаза. Радиостанция «Маяк» передавала популярные песни — сильный голос сдержанно спрашивал и сам себе отвечал:

Кто сказал, что земля умерла?

Нет...

Она затаилась на время.

Необычна эта ферма Новосельской бригады колхоза имени XXII съезда КПСС. Дело даже не в радио. Здесь, рядом с комнатой отдыха, отличные бытовки, душевые кабины. Ферма строилась с учетом людских потребностей, а не только зоотехнических, как бывало. Председатель Мальцис сказал, что таких ферм у них четыре, и все племенные. Порода костромская. Коровы, я сам видел, спокойные, сытые. Лежат высоко, как бы на перинах, на торфяной подстилке. Лежат и, может, слушают радио. Хотелось в шутку спросить: «Показуха?..» Конечно, не так в лоб, но как-то все же надо было спросить. И я спросил... Мальцис ответил добродушно:

— Необходимость! Производственная...

На опорных столбах — мохнатые сосновые ветки. Вот почему пахло лесом, свежей хвоей с морозца. «Тоже производственная необходимость»,— заметил председатель. Он клонил к тому, что люди, даже хорошо знающие о тяжелой работе в животноводстве, должны идти на ферму с радостью. Разве трудно в наш век провести на ферму электричество, радио, водопровод?.. Душ для доярок и скотников — это действительно производственная необходимость. Мальцис без какой-либо позы сказал:

— Мне хочется додать нашим женщинам все, что они недополучили за двадцать и больше лет работы на фермах...

Он не сказал: «дояркам», «скотницам», «свинаркам». Он сказал: «женщинам...» И как только начинают синеть сумерки, над городком животноводческой фермы наливаются белым светом высокие светильники. И теперь уже близкие огни Владимира сами по себе, а колхозные огни ничем не хуже, такие же яркие, уютные.

— Дом культуры у нас неплохой, новый, сами увидите. Но жизнь селян в основном проходит в поле, в мастерской, на ферме. От настроения человека — от настроения матери или отца семейства — зависит, будем ли мы искать им смену на стороне или у нас свои работники вырастут.

Мальцис прав. Я заметил, что мы нередко считаем: сколько дала корова? Или — сколько гектар? Ну, а сколько — человек? Колхоз имени XXII съезда КПСС отличает от других высокая экономическая эффективность общественного производства. И здесь каждый работающий уже дает продукции в среднем на две тысячи рублей в год. Каждый гектар сельскохозяйственных угодий тут (все те же суздальские серые почвы, в основном суглинистые) дает колхозу полтысячи рублей. Так не правильнее ли считать, на сколько рублей дает продукции не гектар, а именно человек? Например, в Новом Селе за пятилетие доходы на одного работающего увеличились в четыре раза. Вот почему тут самая жестокая засуха хоть и помеха, но не больше. Не катастрофа. Тем более, что работает не только человек, но и рубль.

Во Владимире издана брошюра председателя колхоза из Нового Села И. З. Мальциса и старшего научного сотрудника областной Опытной станции Ю. Э. Балтайса. Она многое объясняет. Так вот выписка из нее:

«Сто рублей, хранящиеся на счете в Госбанке, приносят в год лишь 50 коп. дохода. Если же эту сумму пустить в производство, можно получить не менее 50—60 руб. чистого дохода».

Но когда первый секретарь райкома партии Василий Михайлович Ковалев рекомендовал заехать к Мальцису, он имел в виду не рубли, меньше всего рубли,— людей колхоза. Василий Михайлович перечислял специалистов: «И все люди молодые, энергичные!..» Он поименно называл и механизаторов: «Отличные хозяева!.. Больше ста коммунистов и двадцать комсомольцев. Глухов, Репин, отец и сын Волковы... Они, они возродили былую славу Суздаля! В год колхоз строит двадцать, а то и тридцать жилых домов. Газ, водопровод. Получай ключи — и работай!» А я подумал: «Эта формула куда точнее, чем предыдущая: «дать земле...» Впрочем, вряд ли умно одно противопоставлять другому.

В колхозе имени XXII съезда КПСС более шестисот трудоспособных, здесь рабочих рук хватает. Хватает и светлых голов, а это куда важнее: в колхозе особое значение обрел экономический совет, в составе которого пятьдесят пять человек, считай, что каждый десятый колхозник! Кроме того, рекомендации экономического совета дотошно конкретизирует, переплавляет в производственные программы для всех бригад еще и бюро экономического анализа, его возглавляет экономист колхоза. Тут предан забвению лозунг: «У нас — колхоз, а посему делай любой ценой». «Любой» не проходит: люди не допустят. Потому что от затрат, от себестоимости зависит оплата их труда. Анализ диктует: в девятой

пятилетке продать зерна государству еще больше — не вообще больше, а точно на 36 процентов; скота — в два с половиной раза, молока — вдвое больше. А земля все та же. И не та же! А люди все те же, но и так нельзя сказать — другими стали люди. Например, не доят, а следят, хорошо ли машина выдаивает коров, и при этом слушают радио: «Кто сказал, что земля умерла? Нет... Она затаилась на время».

На время — значит до обязательной весны! Так уж устроен человек, что зимой, в стужу, он всегда поет о весне. А рядом с полем Нового Села большой город Владимир. Могучий магнит! И это естественно. Но Мальцис никаких магнитов не боится. И тогда я спросил:

— Земля — это романтика не для всех, согласитесь. Специфика сельской жизни такова, что лишь люди какого-то особого склада могут прожить жизнь вне шума городского, вне тех удобств, которые почему-то называют городскими. Так что же привлекает людей, например, к вам в колхоз?

У Мальциса и на этот вопрос готов ответ:

— Привлекают оплата и условия труда.

— Но в недалеком будущем возможен такой вариант — призвание? Особый талант вести сельское хозяйство с выгодой?

— Вполне. Ополье — звучит гордо, но у нас нет черноземов, нет степи. Есть выпаханные пашни, пограничные с городом. Бесталанным в этих условиях, объективно говоря, не прожить. Вот тут и думай! Выход один: помочь людям сделать из каждого гектара два. Сейчас идем навстречу решающей весне...

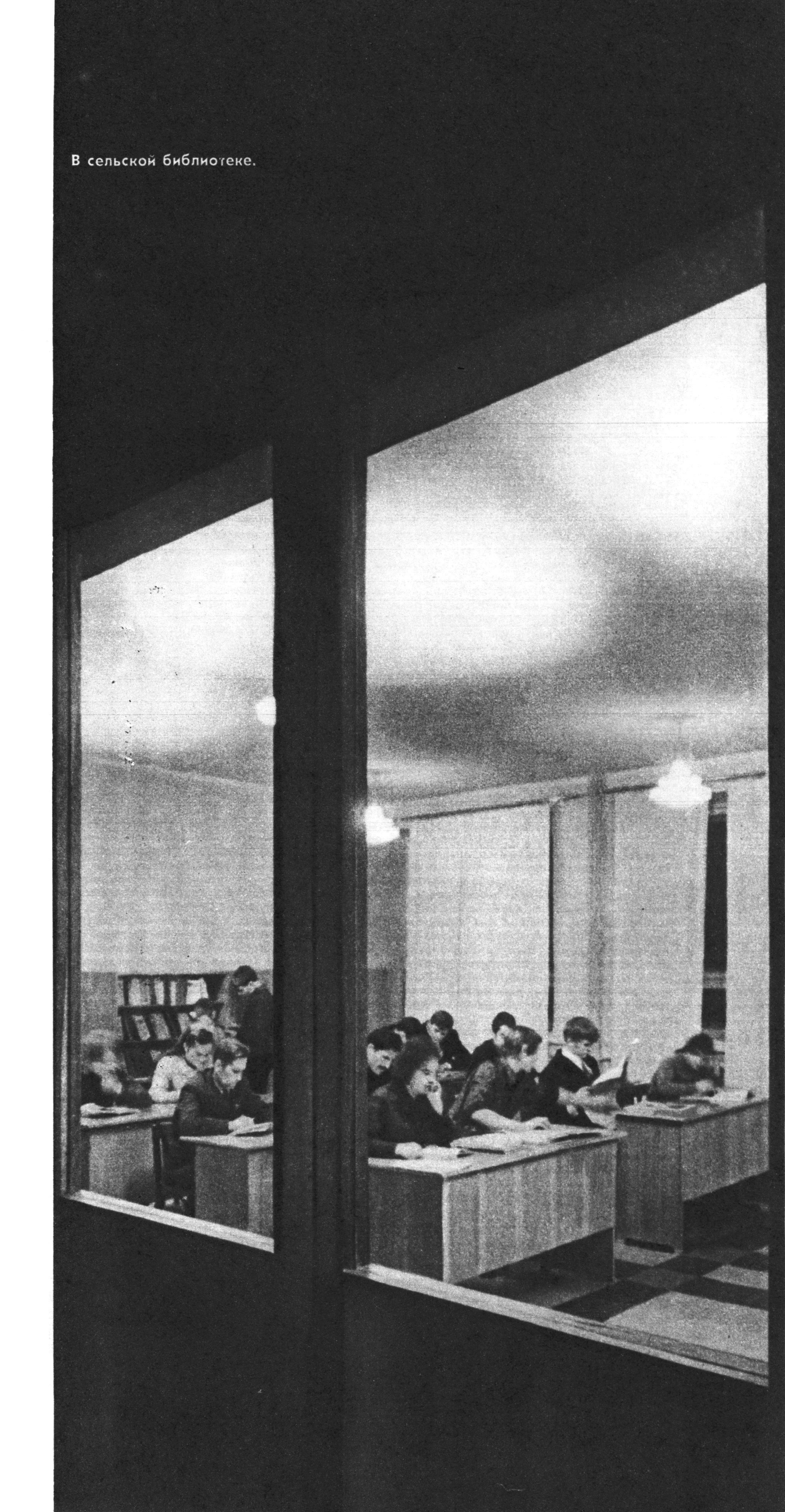
Решающая весна пятилетки, по Мальцису, это значит ничего не жалеть для людей. И для земли. Здесь и не жалеют. В год строят на 1 100 тысяч рублей. Словом, действуют экономически грамотно, ибо вложения в землю — показатель хозяйственности.

* * *

В Суздальском районе, как я убедился, не забывают учесть ни климатические условия, ни погодные, ни состояние полей, ни их почвы (в каждом хозяйстве агрономы давно составили картограммы), ни социальный облик, профессиональную характеристику тех, кому надлежит большие задачи выполнять. Очевидно, поэтому так уверенно говорил первый секретарь райкома партии Василий Михайлович Ковалев:

— В районе есть все возможности перевыполнить наш пятилетний план развития сельского хозяйства. Мы даже в прошлом необычном году успешно выполнили государственные твердые планы-заказы по всем видам продукции. Но, кроме них, у нас большие и ответственные обязательства. Задача — сдержать слово! Думаю, сдержим. Я так скажу: наша зона до сих пор кажется загадкой — по существу, никто не знает, на что способно Владимирское Ополье. Этой земле дать бы сполна удобрения, побольше техники, строительных материалов — и благодарно отзовется каждый гектар! К полю надо лицом повернуться. Понять, что земля выдержит любые нагрузки, если только средства ведения интенсивного хозяйства будут самыми современными. Не осуществи мы политики химизации и мелиорации на наших вековых полях и лугах — такой год, каким выдался семьдесят второй, обернулся бы немалой бедой. Но этого не случилось. В окрепшей экономике залог и новых успехов.

...Снега, снега... Снег все-таки лег. Он первозданной белизны, он вселяет радость и надежду. Снова гудят низким пчелиным гудом моторы. Автопоезда и тракторные колонны повезли из подмерзших болот торф на фермы. Лежат тихие поля великого Ополья, а строительство нового урожая уже началось. Материнство земли — таинство природы, постичь которое дано не каждому. Счастлив постигнувший! И что бы ни случалось в природе, в зеленом мире, окружающем человека, материнства не взять у земли.

В сельской библиотеке.

Виктор КУДРЯВЦЕВ

КОНЕЦ «НЕФТЯНО

Когда я вышел из аэропорта в Кувейте, стояла дождливая и ветреная погода.

— Не повезло мне,— сказал я, садясь в такси.

— Наоборот,— ответил водитель,— очень повезло. Прекрасная погода! Если бы было солнце, вы бы обожгли руку, берясь за металлическую ручку дверцы. А что дождь, промокнешь, не обидно, а то ходишь, словно в бане,— чертовская влажность...

Действительно, погода здесь капризная: температура колеблется от 8 градусов до 46. Влажность — от 12 процентов до 86. Еще более фантастичен пейзаж. Прислонившись к Персидскому заливу своим восточным берегом, гигантский Аравийский полуостров наступает на залив прозрачной пустыней, бесконечной и однообразной. Прямо из песчаных барханов встают города — столицы прибрежных эмиратов: Катара, Бахрейна, Абу-Даби... Еще недавно это были небольшие селения бедуинов, кочующих по неприметным караванным тропам полуострова. Сегодня рядом с глинобитными домиками и экзотическими мечетями выросли современные многоэтажные здания. Повторяя рисунок берегов залива, тянутся нефтепроводы, встают вышки скважин, громоздятся сверкающие на солнце алюминиевые, опрокинутые чаши нефтехранилищ. Промышленный XX век соседствует с бедуинским средневековьем. Он пришел сюда за нефтью...

Персидский залив переживает заключительную стадию «нефтяного детектива», сюжетом которого является борьба монополий Запада за его богатства, борьба без каких бы то ни было правил и с использованием всех испытанных средств: деньги, шантаж, подкуп, заговоры, ложь, давление, подлость, дворцовые перевороты. Столь же разнообразны и действующие лица этого детектива: директора компаний, нажатием кнопки связывающиеся с Лондоном и Нью-Йорком; Поль Гетти, 90-летний старец, один из богатейших людей мира, коллекционирующий бриллианты; Джон Рокфеллер, миллиардер, заявивший, когда ему принесли на обед курицу за 10 долларов, что «это ему дорого»; резиденты из Интеллидженс сервис, замаскированные под продавцов иранских ковров; шейхи, получившие огромные деньги и не знающие, что с ними делать; их визири и ближайшие советники, внушающие через любимых жен шейхов, какие акции надо покупать; контрабандисты, переправляющие драгоценности, спрятанные в копытах верблюдов; содержатели игорных домов, где за ночь можно проиграть 10 тысяч долларов... Все это армия нефтяного бизнеса, беспринципная и жадная, готовая на все.

В Эль-Кувейте мне посоветовали: «Если хотите познакомиться с методами работы «Кувейт ойл компани», поезжайте в Ахмади».

Первая заповедь бизнеса — создать в богатом нефтью государстве свою штаб-квартиру, подальше от официальной столицы, от властей, подальше от посторонних глаз. От древнего арабского селения Ахмади, где обосновалась резиденция «Кувейт ойл компани», сейчас не осталось и следа. На внушительных воротах висит медная доска с надписью по-английски и по-арабски: «Въезд запрещен». Для посещения Ахмади нужно получить специальное разрешение, и не от кувейтских властей, а от правления компании. Такое разрешение я добыл и проникаю через ворота со столь категорическим предупреждением. Попадаю в маленький зеленый городок, будто перекочевавший сюда из Эссекса или Ланкашира. Небольшие комфортабельные домики из красного кирпича в типично викторианском стиле, подстриженные кустарники, чересчур правильная и монотонная планировка. Над центральным зданием развевается флаг «Кувейт ойл компани» — голубой с изображением летящего сокола. Рядом другой флаг, зеленый, с желтым щитом посредине,— флаг «Бритиш петролеум». «Кувейт ойл компани» (КОС) — ее дочерняя компания.

В бюро информации мне выдали красиво изданные брошюры и проспекты о деятельности «Бритиш петролеум» и КОС. Здесь можно было прочесть все, что касается «Бритиш петролеум» и ее филиала в Кувейте. Кроме одного: во всех публикациях вы не обнаружите сведений о доходах монополий, о норме прибыли.

Господин Найеф Абут, директор бюро, рекомендовал мне обратиться к одному из директоров компании, ведающему вопросами экспорта, Майклу Редферну. Он принял меня весьма любезно. Сэр Майкл — типичный британский джентльмен, что-то унаследовавший и от Пиккввика и от Сомса Форсайта. Он охотно рассказал, как англичане построили свою нефтяную столицу, как создавались традиции. Он был ненавязчиво горд благополучием компании, полностью пренебрегая колебаниями политического барометра. Он подчеркивал, что в деятельности компании нет ничего секретного и вообще чего-либо скрытого от глаз общественности. Когда же я задал вопрос о доходах КОС, лицо сэра Майкла приобрело кислое выражение. Он обнаружил полную неосведомленность. Похоже было, что его, менеджера, отвечающего за сбыт нефти, этот вопрос вообще не интересует. Неожиданно он покинул меня, дав возможность созерцать развешанные по стенам диаграммы роста экспорта нефти, который приносит хозяевам компании эту якобы неизвестную прибыль. Вернувшись, сэр Майкл сказал, что ответ на свой вопрос я могу получить у главного директора Тони Ли Моргана. Он ждет меня в своем кабинете, находящемся на том же этаже. Однако, когда я ступил в импозантную приемную мистера Моргана, то оказалось, что он вовсе и не ждет меня. Его секретарша, привлекательная девушка, мило улыбнувшись, сообщила, что ее шеф внезапно, в течение нескольких минут, отбыл в командировку и вернется неизвестно когда.

«Знаете,— посоветовал мне референт директора,— мы ведь дочерняя компания «Бритиш петролеум». Они там, в Лондоне, все знают. Поезжайте в Лондон или лучше позвоните по телефону, и вы узнаете интересующие вас сведения».

Я не поленился достать телефон лондонского правления, расположенного по адресу: Уигмор-стрит, 105,— и заказал разговор. Связь Кувейта с английской столицей превосходная. Из Лондона мне сообщили, что подобными сведениями они не располагают, и порекомендовали обратиться в дирекцию «Кувейт ойл», все к тому же мистеру Моргану. Круг замкнулся. Я так и не получил информации относительно прибылей «Кувейт ойл компани», дочерней компании «Бритиш петролеум».

А между тем прибыли поступали в английских фунтах, японских иенах, итальянских лирах и еще в валюте двух десятков стран, куда «Бритиш петролеум» поставляет кувейтскую нефть. Этот вывод нетрудно сделать, если посмотреть проспекты КОС.

* * *

Внешний облик Эль-Кувейта разочаровывает любителей восточной экзотики. За период так называемого «нефтяного бума» 60-х годов Эль-Кувейт превратился в современный город. Здесь практически не сохранились памятники арабской старины. Лишь на острове Файлака туристам показывают руины города, основанного греками во время похода Александра Македонского в Месопотамию, и это все. Архитектура современного Эль-Кувейта эклектична и пестра. На улице Фахад Аль-Салем встают громады деловых зданий — банки, конторы, всевозможные оффисы, магазины. Высятся многоэтажные мини-небоскребы министерств и ведомств. Ближе к окраине — пестрые особняки и виллы. Даже мечети здесь имеют вид деловых зданий. По улицам несется плотный поток автомобилей разных марок...

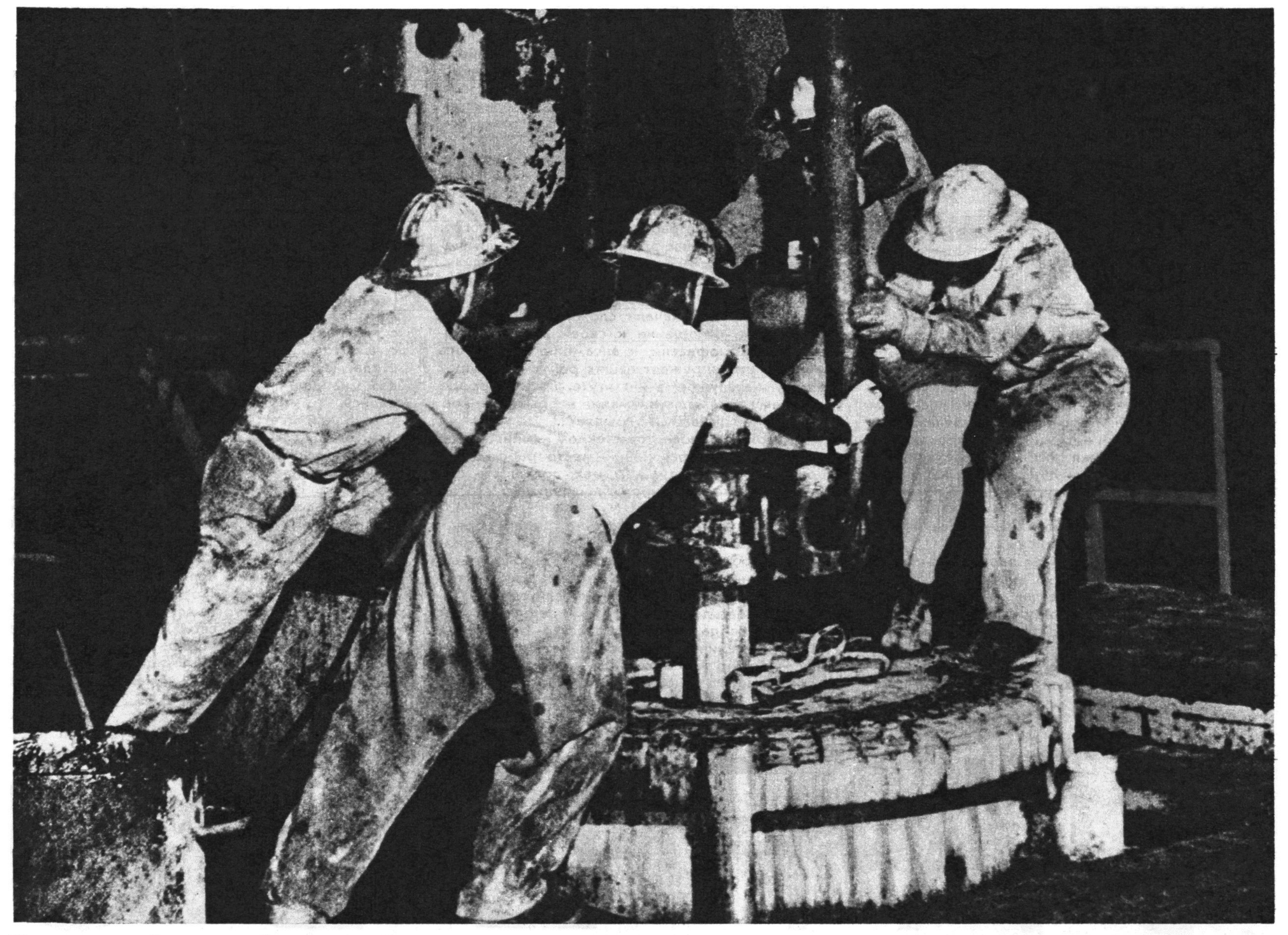
О разбогатевших шейхах рассказывают анекдоты. Утверждают, что некоторые из них меняют автомобиль, как только его пепельница наполняется окурками. Другим выписывают в банке чеки на миллион долларов. И хотя такой чек неудобен и ненужен в деловом обороте, обладание им ублажает тщеславие владельца. Шейхи, как гласят местные анекдоты, совершают «командировки» в свои поместья, находящиеся в нескольких десятках километров от столицы, через Рим, Париж, Лондон...

Вовлечение Кувейта в мировой бизнес нефти привело к возникновению здесь класса крупной буржуазии из представителей бывшей феодальной верхушки. Кувейт превратился в один из основных торговых и деловых центров Ближнего Востока. Большая часть накопленных капиталов брошена в торговлю. В Кувейте можно купить все — от транзистора и драгоценностей до американских автомобилей, акции всех компаний мира, виллу в Италии и «доходный дом» в Западной Германии.

Однако парадокс заключается в том, что «благополучие» Кувейта имеет весьма шаткие основы. Оно целиком и полностью зависит от конъюнктуры на рынке нефти и даже больше — от перипетий борьбы мировых монополий в этой области. Экономическое будущее страны все еще решается на биржах Лондона, Нью-Йорка и Парижа.

«Вам может показаться это странным,— сказал мне кувейтский экономист Мухамед Шехаб,— но вряд ли я бы определил нашу страну как развитую в экономическом отношении. Все хозяйство Кувейта фактически тесно связано с нефтяным бизнесом. И такое положение ограничивает развитие, превращая нашу экономику в придаток Запада. Конечно, Эль-Кувейт старательно загримирован под процветающий город, а эмират — под государство "всеобщего благосостояния". Но это далеко не так».

Я попадаю в квартал бедноты неподалеку от рынка в центре города. Здесь не интересуются ценами на нефть. Не приобретают акций. Здесь живут эпизодическим поденным трудом — подноска товаров, подметание улиц, работа на стройке, ночным сторожем, чистка ботинок, мелкий ремонт одежды и обуви. Здесь считают каждую копейку. Я побывал в небольшой

Изнурительный труд на буровых установках продолжается и ночью.

деревушке неподалеку от столицы. Что же я увидел? Нищету, почти поголовную неграмотность, безработицу. Как все это не похоже на «нефтяной бум» столицы!..

На окраине Эль-Кувейта, выходящей к заливу, можно обнаружить «кладбище фелюг». Когда-то кувейтские рыбаки выходили на них в море искать жемчуг или ловить рыбу. Сегодня их рассохшиеся каркасы напоминают скелеты огромных ящеров, словно выползших на песчаный берег в доисторические времена. В некоторых фелюгах, сохранившихся лучше других, живут люди. Женщины стирают белье, готовят пищу. Мужчины бродят без дела, покуривая крепкие сигареты.

Нефтяной бизнес приобщил бывшую знать Кувейта к наживе и грабежу. Но народы Персидского залива начинают все больше втягиваться в общее русло освободительного движения стран Арабского Востока. В широких кругах общественности все чаще раздаются требования о национализации нефтяных богатств. Открывается первая страница новой истории Кувейта и других государств Персидского залива — история борьбы против засилья нефтяных монополий. В Кувейте создана Национальная компания нефти. Ее задача — заложить основы отечественной промышленности. Это — дело трудное, но первый шаг уже сделан.

«Мы разрабатываем сейчас планы строительства нефтеперегонных заводов, подготовки национальных кадров специалистов-нефтяников,— говорит мне один из членов правления компании, Мохсен Саид.— Мы знаем, что на этом пути встретится много трудностей. Однако наша решимость сделать все, чтобы добыча нефти полностью перешла в руки кувейтцев, непреклонна, и мы опираемся при этом на поддержку народа».

Аналогичные компании созданы в Бахрейне, Катаре, Абу-Даби и Саудовской Аравии. Одним из проявлений борьбы за возвращение нефти народу является требование стран Персидского залива об увеличении их доли участия в нефтяных монополиях до 51 процента. Эти страны рассматривают удовлетворение их требования как первый шаг к тому, чтобы полностью взять в свои руки эксплуатацию источников. Мировые тресты оказывают яростное сопротивление планам ограничения их хищнической деятельности, но под давлением национально-освободительного движения все же вынуждены идти на уступки...

* * *

«Особенно большое впечатление на всех нас оказала национализация «Ирак петролеум компани» иракским правительством. Пал один из основных бастионов влияния западных монополий в нашем районе,— говорит мне инженер-нефтяник Махмуд Абдель Малик из Кувейта.— Монополии пугают нас тем, что мы не справимся с широкой организацией добычи, обработки и транспортировки нефти. Пример Ирака, в котором нефть добывается во все более возрастающих масштабах без «посредников»-эксплуататоров, не оставил камня на камне от этой злобной пропаганды. Неоценима роль, которую сыграл Советский Союз, оказавший помощь и поддержку Ираку в достижении им экономической независимости. Теперь мы, арабы, знаем, на кого нужно нам ориентироваться в борьбе за ликвидацию засилья иностранных монополий. Положено начало нефтяной революции в нашем районе. Ее давно ждут. Она назрела...»

ГО ДЕТЕКТИВА»

С. КАЛИНИЧЕВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

ЗАРЕВО

Бывало, поздно вечером бежишь со свидания по кривым улочкам шахтерского поселка — темнота непроглядная. Первая послевоенная осень — электричество строго по норме. И вдруг на западе, как будто солнце решило повернуть вспять, полыхнет красным огнем полнеба. Осветит кривые заборы, соседскую голубятню, обнаженные, в слезинках осевшего тумана клены...

Две-три минуты полыхает зарево, но за это время успеваешь и как-то иначе взглянуть на родную улицу, и согреться в теплом, чуть подкрашенном свете, и ощутить какую-то общность с теми, кто сейчас стоит у домен ожившего Донецкого металлургического завода. Это там выпускают в ковши чугун, и пискливый паровозик оттаскивает их к мартенам. Там, в нескольких километрах от поселка, рождается металл. А люди, увидав это зарево, испытывают великое чувство приобщенности к неусыпной работе Донбасса-труженика.

Вот это же роднящее ощущение чего-то бесконечно дорогого нахлынуло снова, когда я смотрел отчетный концерт мастеров искусств и художественной самодеятельности Донецкой области. Он был посвящен 50-летию СССР и проходил в лучшем зале республики — Дворце культуры «Украина». Больше четырех тысяч зрителей восхищенно встрепенулись, когда на сцену выпорхнули девушки.

Казалось, что от их нарядов невообразимо пылающего цвета загорелась сцена, покрылась пляшущими языками пламени. А вот и парни — в огнезащитных костюмах, сверкающих панамах. Настоящие укротители огня.

Исполняется хореографическая композиция «Металлурги». И только теперь по-настоящему постигаешь название ансамбля — «Зарево». Его задор, молодечество, неуемная праздничность — это отражение каких-то сторон жизни, самого духа коллектива металлургов Донецка.

Это было шесть лет назад. Всего шесть, но каких! За эти годы скромному танцевальному коллективу «Зарево» Дворца культуры металлургического завода из Донецка было присвоено звание народного, завоеваны высшие награды на всех республиканских и союзных смотрах и фестивалях художественной самодеятельности, а после блестящих выступлений в дни Декады украинской литературы и искусства в РСФСР коллектив стал заслуженным ансамблем танца УССР.

Известнейшие хореографы страны, такие, как Моисеев, Вирский, выделяют «Зарево» среди многих и многих ансамблей, особо отмечая высокий уровень мастерства, законченность хореографического рисунка, яркость и темперамент исполнения. Но удивляет и поражает другое. Я несколько раз смотрел его выступления — и ответственные, как в отчетных концертах, и обычные, после проведения какого-либо заводского или районного мероприятия. Но в каждом концерте любой танец исполняется так, будто именно к нему шла подготовка все эти годы.

— Скажите, что помогло вам добиться такого художественного мастерства? — спросил я руководителя ансамбля, заслуженного артиста УССР Владимира Уманова.

— Видите ли, в работе нам помогает многое. Но главное... сейчас это называют психологическим климатом. А если говорить проще, удивительная любовь к искусству всех наших рабочих артистов. И умение дружить. Такая атмосфера с самого начала сложилась. И знаете, это особое отношение к своей второй, артистической профессии, к ансамблю передалось многим, кто окружает наших ребят и девушек в цеху, на службе, в институте. Да и в городе к нашему ансамблю внимание необыкновенное. А это и подтягивает и окрыляет...

На столе Уманова под стеклом — список. Напротив каждой фамилии — место работы танцовщика или танцовщицы, цех, должность, фамилия непосредственного начальника и его телефон.

— Вы представляете, сколько труда и нервов стоит концерт, особенно если связан с выездом? — продолжает он.— Надо договориться, чтобы одного отпустили с работы, другому поменяли смену, третьему перенесли сдачу экзамена... Шестьдесят человек. И ведь не все с нашего завода. Надя Красовская работает в областной клинической больнице, Николай Биляк — шофер автобазы, Валя Сосиденко — в управлении шахтной геологии. Но в том-то и дело, что уговаривать никого не приходится! За любовь, знаете ли, платят любовью. Вот и стараемся.

У ансамбля прекрасная база: два репетиционных зала, раздевалки, душевые, помещение для оркестра и другие. Это позволяет планомерно готовить резерв исполнителей. Ведь, кроме основного, у «Зарева» есть еще и второй состав — 60 человек. При Дворце культуры на базе ансамбля работает хореографическая школа с пятилетней программой обучения: в 20 группах занимаются 220 мальчиков и девочек. Есть детский ансамбль «Зарница».

И все же главное достояние коллектива «Зарево» — это особенный психологический настрой. Мне рассказывали, как готовились к первому исполнению хореографической композиции «Металлурги». Столичные художники сделали великолепные эскизы костюмов. Заводские снабженцы достали панбархат и шифон. Теперь ткани надо было выкрасить в золотисто-охряный цвет огня. Стали искать краску. Перебрали сотни вариантов — не то. Все шестьдесят человек, и еще шестьдесят, и еще двести двадцать думали о красителях... Наконец, кто-то из парней принес с химзавода банку краски на пробу: открыли — ура! Размочили щепотку краски в носовом платке — ура! Покрасили и развесили в зале больше сотни метров ткани. Все ходили желтые, оранжевые, с пылающими лицами, ткань окрашивала все, с чем только соприкасалась!.. На всех стенах, столах, руках и лицах появился отблеск «зарева». Скандал! Ну и это пережили да еще радовались.

— Какой цвет зарева! Какой неповторимый цвет огня!

И все кончилось дружным хохотом.

Атмосфера дружелюбия, веселой шутки, заботливого отношения друг к другу, пожалуй, главное достояние ансамбля. В заводском Дворце культуры много других коллективов художественной самодеятельности. Но все считают за особую честь встречать праздники вместе с «Заревом». Если случается выступать в Москве или Киеве, то среди депутатов или делегатов, для которых дается концерт, всегда есть кто-нибудь из своих, заводских. После концерта обязательно придет за кулисы...

...Из окон большого репетиционного зала широко видны цеха, службы, железнодорожные станции завода, над которым багровое, все заливающее море солнечного заката постепенно переходит в зарево плавок, мигающие зарницы электросварки, сполохи вырывающегося из кауперов доменного газа. Бессонную и бессменную вахту несет заводской коллектив. У них такая работа, что не остановишь ни на минуту даже в большие праздники. И отблеск силы, молодости духа коллектива металлургов мы видим в огненных ритмах ансамбля «Зарево».

Здесь рождаются и металл и таланты... Донецкий орденов Ленина и Октябрьской Революции металлургический завод.

Танец «Металлурги».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

В ЦЕХЕ И НА СЦЕНЕ.

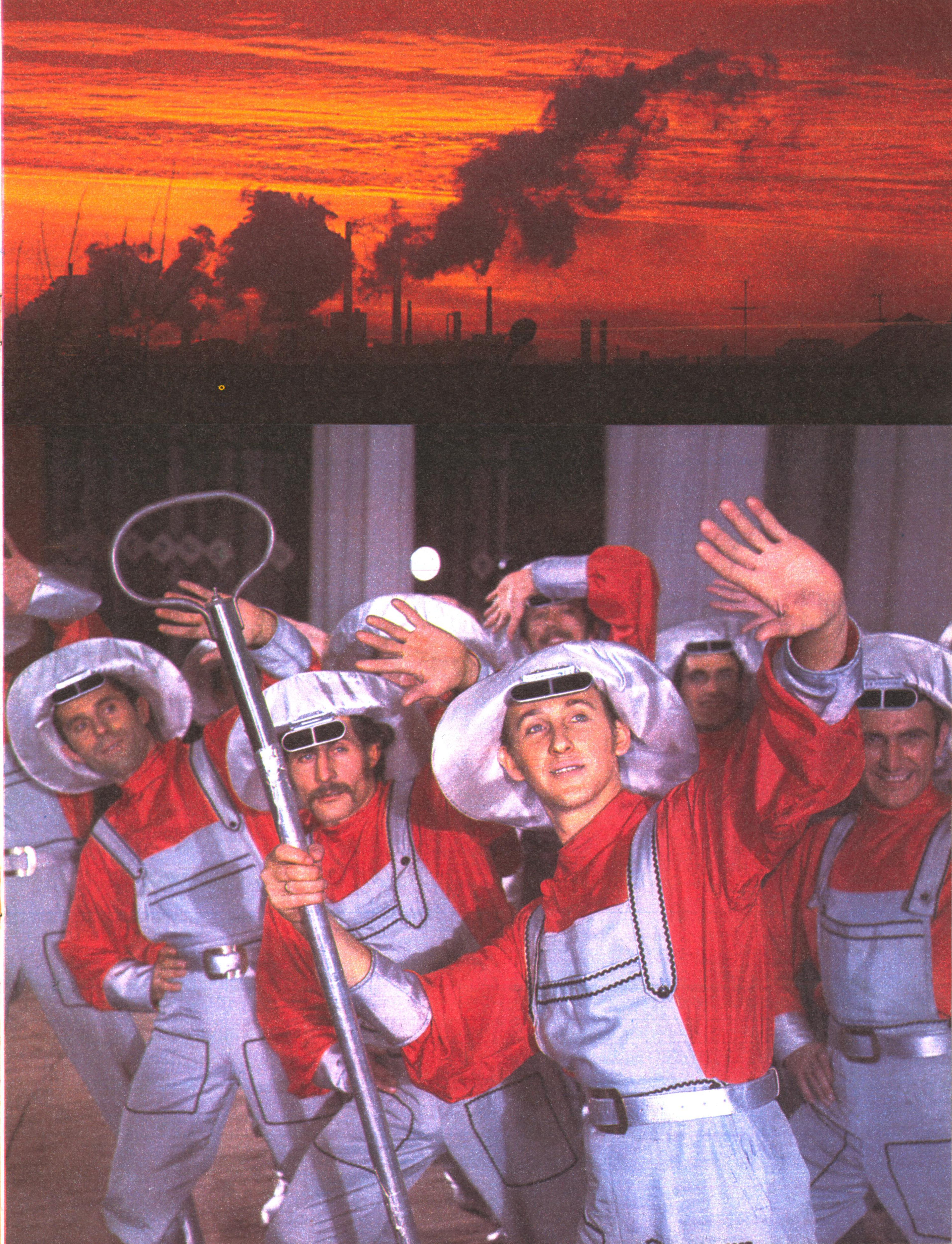
Токарь Люба Гундерина.

Танцовщики в мартеновском цехе. Николай Биляк и Евгений Пилипенко беседуют с мастером цеха, Героем Социалистического Труда Владимиром Волковым (слева).

Электрокарщица Галина Мержинская.

Солистка «Зарева» Надежда Красовская.

Венгерский танец.

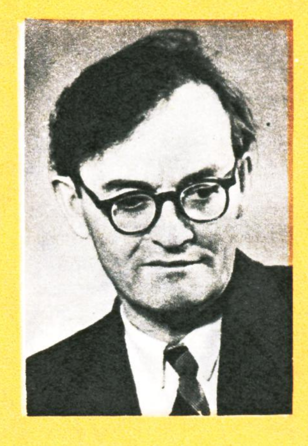

Георгий КАЙТУКОВ

МЕЧТА МОЯ СБЫЛАСЬ...

БОЛГАРСКОМУ ГОРОДУ ЛОМУ

Нас время учит, закаляя,
Ведя сквозь грозы напролом...
Я теплоходом по Дунаю
Приплыл в болгарский город Лом.

Сквозь тучи утренняя зорька
Мерцала светлою каймой...
«Не прозевай, спеши, Георгий!» —
Будил меня мой друг Камо.

А берег был в туманной дымке.
Шел дождик тихо, не спеша.
На стеклах — капли, как слезинки
На нежной щечке малыша.

Толпятся люди... Что сказать им,
Как мне найти слова верней?
Что передать болгарским братьям
От гор Осетии моей?

Войну припомнил я — и сразу
Промолвил: «Вот они, места»,
Где кровь солдат, сынов Кавказа,
В горах Балканских пролита!

Наш долг — всечасно и вседневно
Стоять за мир, за смех детей.
Священны, словно Шипка с Плевной,
Твердыни наших крепостей.

Я говорил: «Друзья-болгары,
Нет братству нашему цены!
Водою тушатся пожары,
А дружбою — пожар войны!..»

Пришлась по сердцу людям Лома
Моя бесхитростная речь.
Я был согрет вдали от дома
Теплом сердечных, братских встреч.

И голос юности певучей
Гремел, как вешняя гроза...
И дождь утих, уплыли тучи,
И солнце брызнуло в глаза...

ИРЕНЕ — ДЕВУШКЕ ИЗ ПРАГИ

Прическа модная, румянец
И взгляд пытливо озорной...
Гадаешь: «Что за иностранец
Явился в древний город твой?»

Тебе отвечу откровенно,
Сам заведу я разговор:

— Я из Осетии, Ирена,
Я вырос у Кавказских гор.

Я помню огненные годы:
В строю военном не один
Отважный бился осетин
За Прагу, за твою свободу.

Здесь павшим памятник нетленный
Стоит у влтавских берегов.
Есть имена на нем, Ирена,
Моих героев-земляков.

Цветы носила ты живые
Туда, где спят в тени ветвей
Сын Украины, сын России
И сын Осетии моей.

Вот братства нашего бесценный
Залог, священной дружбы знак!
Ты мне сестра и друг, Ирена,
Я брат твой старший и кунак!

Под сенью пламенного стяга
Друзьями сделались навек
Твоя столица — Злата Прага
И мой серебряный Казбек.

Прекрасны в Праге башни, стены,
Старинный Град, седой собор...
К нам в гости приезжай, Ирена,
Взглянуть на выси наших гор...

Перевел с осетинского
Л. Шерешевский.

БОРОЗДЫ СТРОК

Была ему пашней бумага, был строг
Тот пахарь за плугом в работе упорной.
И в добрые черные борозды строк
Бросал он тугие, отборные зерна.

Глаза его зорко смотрели вперед,
Всем сердцем он верил в хорошие всходы.
И тучная нива над миром встает:
Дороги, каналы, плотины, заводы...

Перевел с осетинского
П. Панченко.

КОСТА ХЕТАГУРОВ

Когда-то здесь, грустен и весел,
Он бегал, оборван и бос.
И тем он тогда был известен,
Что в Наре родился и рос.

Но эхо прекраснейших песен
В горах далеко разнеслось.
И Нар тем сегодня известен,
Что в нем он родился и рос.

О ТАНЦАХ НА НАШЕЙ СВАДЬБЕ

Неба даль голубая
Беспредельно ясна...
Ах, гармонь зазывная,
Далеко ты слышна!

Солнце нам улыбалось —
Понимало, видать...
А гармошка старалась,
Всех звала танцевать.

«Эх, самой станцевать бы!» —
Распалялась гармонь...
Что за танцы на свадьбе!
Не танцоры — огонь!

И в глазах самой старой,
У Биби у седой,
Загорелся недаром
Огонек молодой:

«Ах, не танцы, а сказки!
Веселись, молодежь!
И в работе и в пляске —
Краше вас не найдешь!..»

По-чабански приветлив,
Обнимая их всех,
Распахнул руки-ветви
Густолистый орех.

Вот уж танцы —
Занимается дух!
Пляшут юноши, старцы,
Пляшут горы вокруг!

Но встает самый старший,
Он с седой бородой:
«Пусть-ка выйдет и спляшет
Наш зятек молодой!»

Зять поднялся со стула —
И пошел и пошел!..
В небе над Заманкулом
Реял горный орел.

Перевел с осетинского В. Карпеко.

НА ВЕРШИНЕ ГОРЫ

Мечта моя сбылась... Нет в мире краше,
Чем этих гор распахнутый простор!
С вершины вижу будущее наше,—
Оно еще прекрасней этих гор.

Перевел с осетинского Лев Озеров.

«Куклешки-матрешки» — исполняет детский ансамбль «Зарница».
Поздравления с успехом.
Солистка «Зарницы» Лена Гарбузова.
А это «Цыплята».
На репетиции.
Гопак.
Фрагмент танца «Металлурги».

Сергей НИКИТИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

МЕДОСБОР

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

В институте со многими преподавателями у нас, студентов, устанавливались товарищеские, порой даже дружеские отношения.

Мне особенно близок стал профессор Р-ский, читавший нам курс по языкознанию и русскому языку, близок как своим предметом, так и неотразимой обаятельностью натуры. Она сочетала в себе живой, острый ум, неиссякаемую жизнерадостность, горячий темперамент и просто располагающий к этому человеку его внешний облик: мощный лоб умницы, каштановая с шелковинкой борода и всегда озорниковато посмеивающийся взгляд вприщур сквозь стекла очков.

Лишь однажды я видел этот взгляд отуманенным печалью.

В тот день, когда стало известно, что умер Василий Иванович Качалов, Р-ский прошел через аудиторию какой-то весь поникший, уменьшившийся и тяжело взвалил на кафедру свой портфель, точно непосильную ношу. Под очками у него было мокро, и взгляд, этот всегда безудержно искрящийся смехом взгляд был потушен слезами.

Обычно Р-ский, не теряя ни секунды, как только садился за кафедру, начинал лекцию, но в тот раз долго сидел молча, и мы, смущенные, сбитые с толку, тоже в полном молчании смотрели на него.

Наконец он начал говорить о... Качалове. Семья Р-ских, потомственных ученых, была дружна с ним, и мы услышали рассказ о человеке во плоти, которого никогда не различали в Качалове за величием артиста.

Я уже не помню подробностей этого рассказа — прошло с тех пор без малого четверть века,— но помню, как Р-ский сказал:

— Авторы некрологов изображают сейчас ее жизнь как ровную дорогу к удачам, славе и успехам.

Он подошел к черной доске, взял мел и начертал запутанную, зигзагообразную линию.

— Вот какова жизнь человека, в особенности человека великого, в искусстве. Срывы, падения, взлеты, снова падения и снова взлеты, взлеты, взлеты... А у этих авторов получается вот что.— И он прочертил на доске прямую восходящую линию.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Приближение болезни я почувствовал еще в пути и когда вышел из вагона у деревянного вокзала маленького северного городка, то уже знал, что мне не избежать больничной койки.

Больница была тоже деревянной. Серые, некрашеные бревна ее построек казались какими-то скитами и должны были действовать удручающе не только на больного человека, но и на здорового. И короткие дни северной зимы тоже были серы, мглисты, мутны, точно окна снаружи занавешивались грязными простынями.

Сколько насчитал я этих тягучих, как резина, дней — несть числа!

Но по календарю на юге уже была весна и двигалась, подтачивая снега, озаряя небо синью марта, накаляя добела солнце, двигалась на крыльях теплых ветров к маленькому северному городку.

В один из ясных мартовских дней мне было позволено гулять. Необыкновенной радостью вдруг обернулись в этот день самые обычные вещи. Приятен был запах бобрового воротника на легком морозе, скрип досок на промерзшем крыльце, вороний, уже совсем по-весеннему хриплый кар, и сверкание первой тоненькой сосульки на водосточной трубе, и особая встревоженность разномастных собак, рыскавших по больничному двору в поисках объедков... Но еще большей радостью пронизывало сознание выздоровления, входившего, казалось, в меня с каждым глотком чистого колкого воздуха.

Больница стояла на окраине города. Город жил лесом и поэтому давно уже свел лес на много километров вокруг, и теперь сверкающая снежная равнина лежала передо мной, насколько хватал глаз. Точно поредевшее войско Деда Мороза, толпились кое-где низенькие пеньки под круглыми снежными шапками.

Я спустился с крыльца и, повернув за угол, увидел старика в нагольном, узко приталенном полушубочке, заячьей шапке и высоких валенках. Белая борода его золотисто сквозила на солнце. Мне, давно уже не говорившему ни с кем, кроме врачей, сестер, санитарок и больных, захотелось перебросить хоть несколькими словами со свежим человеком, и я сказал:

— Здравствуй, дедушка. День-то какой славный, а?

— Чистый денек, прямо хрусталинка,— улыбнулся старик.

Улыбки его не было видно в бороде, но она так и брызнула из его зеленых от этого обилия света глаз.

— На пенсии уже, наверно, дедушка?

— Пенсия пенсией,— все так же сияя глазами, сказал старик,— а я еще тружусь.

— Где же?

— А на поприще продления рода человеческого.

Из новой книги рассказов.

— Это как же прикажешь понимать тебя — буквально или иносказательно?

— Как ни на есть буквально.

— Не пойму я что-то, дед.

— Проще простого понять. Истопник я в родильном доме. Вот и выходит, что тружусь на поприще продления рода человеческого. Понял теперь?

Ах, лукавый старик! Весь день я пересказывал наш разговор больным в палате, а когда приходила сестра, меня заставляли пересказывать ей, потом — врачу, потом — санитаркам, и у всех в палате было такое ощущение, что собрала нас здесь не болезнь, а случайное недоразумение, которое вот-вот должно разрешиться, и мы вернемся в этот сияющий мартовской синевой и солнцем мир.

МОЙ СТАРЫЙ ДРУГ

Если бы это не сделал он сам в «Возвращенных письмах» — книге небольшой, но искренней, написанной по чистой правде,— то, вдумываясь в жизнь его, писатель нашел бы тему для повести с героем до мельчайшей жилочки типичным, характер которого могла сформировать только революция. «Возвращенные письма» — это книга о фабричном пареньке со стихийными порывами бунтаря и возмутителя спокойствия, переплавленного событиями начала века в активного революционера-большевика.

Она и сблизила меня с ним, ее автором, ценившим мой совет. Разница в возрасте не помешала нашей дружбе. Он был уже на пенсии, когда я только кончил институт, а в жизненной энергии, в молодом веселье, озорстве, даже в физической выносливости мы, пожалуй, были равны. Я и звал-то его, как товарища-ровесника, Семеном.

А Семену уже перевалило за шестьдесят, и был он начисто лыс, и в бороде его с утра, пока не побрился, блестело серебро и серел пепел. Невысокий, крепкий, с короткой шеей, бровастый, он ходил, чуть наклонясь вперед, шагом быстрым, широким и высоко вскидывал перед собой палку, не опираясь на нее, а только слегка пристукивая по земле. Палка у него была дрянная — обычная аптечная клюшка с резиновым нашлепком. Мы сожгли ее в нашем рыбацком костре, а я подарил ему изящную старинную трость темно-вишневого дерева с серебряной насечкой, оставшуюся еще от моего деда. Семен был рад ей, как ребенок вожделенной игрушке, и не выпускал из рук до конца дней своих.

После тяжелой болезни он потерял речь. Однажды мы, четверо его друзей, собрались и, зная общительный характер нашего друга, гадали, как, должно быть, больно будет ему встретиться с нами, с которыми вел доселе такие бурные споры, коротая время в таких веселых застольях. Гадали, гадали и, натянув на рожи маски сострадания, отправились к нему, может быть, думали, в последний раз.

На звонок вышла его жена.

— Батюшки!— ахнула она.— А Семен-то ушел.

Мы переглянулись.

— Как ушел?

— Ушел на пленум горкома. С утра там сидит и обедать не приходил.

Не знаю, как у моих друзей, а у меня вдруг возникло озорное желание показать им нос.

— Вы раздевайтесь,— приглашала нас Семенова жена.— Я сейчас позвоню в горком, узнаю, скоро ли у них там кончится.

— Да уж не трогайте его, зайдем завтра,— мямлили мы.

— Ну уж нет! Он мне не простит, если я отпущу вас. Раздевайтесь. А самый молодой пусть бежит в магазин.

— Как в магазин? Семену ж, наверно, нельзя.

— При нем не скажите!— засмеялась она. Самый молодой ушел, а через полчаса в распахнутом пальто, высоко вскидывая трость, ворвался Семен и приветствовал нас со всем доступным ему теперь красноречием:

— А-та-та-та!

Это было все, что он мог произносить, но так как речевое средство общения он богато заменял жестом, мимикой, интонацией, этого единственного слога ему хватало, чтобы выразить любую мысль, и мы без труда понимали его. Но главное, смеяться он мог, как и прежде, весь: глазами, зубами, горлом, грудью, животом,— и раскатистый смех этот был вернейшим признаком жизненных сил, по-прежнему буйно бродивших в этом человеке...

Теперь, вспоминая его, я думаю: нет, это была не просто сила могучего организма, жаждущего жить,— все тленно!— это была сила высшего начала, сила духа, неистребимого смертью.

ВОЙНА И МИР

Как часто замечал я за фронтовиками одну особенность: пришли с войны, рассказали о ее тяготах и ужасах и словно забыли о них, вспоминая потом лишь случаи, крепко сдобренные юмором или отмеченные признаком необыкновенного приключения. О подвигах же, имевших в ходе войны даже историческое значение, рассказывали и вовсе не охотно. Герой Советского Союза К. Я. Самсонов говорил мне о битве за рейхстаг столь буднично и вяло, словно речь шла о взятии какой-нибудь деревенской кирхи. Дважды Герою Советского Союза разведчику В. Н. Леонову потребовалось всего полминуты, чтобы рассказать мне по пути из Москвы в Челябинск о том, как его отряд в рукопашной схватке занял и держал до прихода главных сил мост на единственной коммуникации, обеспечивавшей японцам отход из Чхончжина.

Удивил как-то меня своим ответом на очень серьезный вопрос мой друг писатель Владимир К-ов.

Мы познакомились в студенческом общежитии. Когда я проснулся утром и увидел, как он пристегивал к культышкам ног поблескивающие никелем и лаком протезы, то подумал грешным делом, что в нашей комнате поселился человек раздражительный, капризный и тяжелый для общежитейского быта.

Теперь судьба развела нас по разным городам, а тогда соединила не только в тесной комнате общежития, но и в тесной дружбе.

На мой взгляд, он мыслил несколько ортодоксально, стараясь порой насильственно подчинить любое движение чувств доводам рассудка, но был как-то обаятельно прям, откровенен и последователен в своих суждениях. Пожалуй, ни с кем в разговорах ни до него, ни после не брал я так глубоко в себе, как с ним.

У него было чистое, очень правильное лицо, белокурые, уже редеющие волосы, атлетически широкие плечи и грудь, мощно развитые руки, внимательный, порой даже неприятный, словно осуждающий взгляд и улыбка — скорбная в минуты задумчивости и какая-то озаряющая, открытая, охотная — в радости. Протезы сделали его ниже на десять сантиметров, а раньше, до ранения, у него был прекрасный стовосьмидесятисантиметровый рост.

На протезах он ходил с поразительной выносливостью. Я был очевидцем уже результата этого великого усилия воли и мог только дивиться тому, как он наравне со мной ходил на прогулки по Страстному, Тверскому, Гоголевскому бульварам, подтягивался на турнике, вставал зимой на лыжи, а осенью хаживал на охоту по золото-багряным лесам Подмосковья.

Помню, в Солнечногорске мы ждали на станции старенькую трофейную «БМВ», которая должна была отвезти нас к месту охоты. Был ясный, теплый, солнечный день — один из последних благостных дней бабьего лета. Серебряная паутинка летела в неощутимых струях воздуха, и запахи железной дороги уступали место сухому запаху подвядшего древесного листа недальних лесов.

На шоссе, ослепительно-бело отсвечивающем свежим щебнем, работали пленные немцы. Расстегнув выгоревшие мутно-зеленые кителя, под которыми виднелись застиранные рубахи, они двигались с нарочитой медлительностью, молчаливые и сосредоточенные.

Мой друг стоял, широко расставив протезы, опираясь на палку, и смотрел на них через очки своим внимательным взглядом.

— Что ты чувствуешь к ним? — спросил я.

Он никогда не отвечал на сложные вопросы сразу. И теперь подумал с минуту, клоня голову вниз и чуть набок, и сказал:

— Любопытство.

На дистанции 100 метров Йохим Кирст, Хорст Бейер и Джек Баннистер. Все они впоследствии вынуждены были прекратить борьбу.

Барьерный бег вывел Николая Авилова в лидеры.

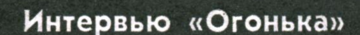
После прыжка с шестом — победа близка.

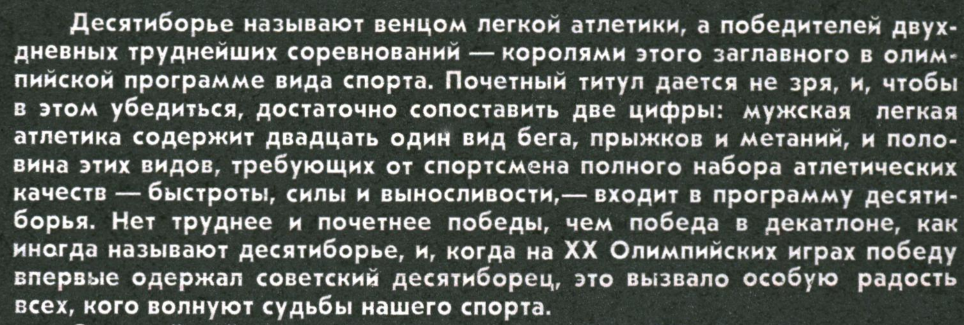

Последний финиш — позади 1 500 метров.

Леонид Литвиненко и американец Джефферсон Беннет поздравляют Николая Авилова.

ДЕЛУ ВЕН

Интервью «Огонька»

Десятиборье называют венцом легкой атлетики, а победителей двухдневных труднейших соревнований — королями этого заглавного в олимпийской программе вида спорта. Почетный титул дается не зря, и, чтобы в этом убедиться, достаточно сопоставить две цифры: мужская легкая атлетика содержит двадцать один вид бега, прыжков и метаний, и половина этих видов, требующих от спортсмена полного набора атлетических качеств — быстроты, силы и выносливости,— входит в программу десятиборья. Нет труднее и почетнее победы, чем победа в декатлоне, как иногда называют десятиборье, и, когда на XX Олимпийских играх победу впервые одержал советский десятиборец, это вызвало особую радость всех, кого волнуют судьбы нашего спорта.

Олимпийский чемпион, лучший спортсмен 1972 года Николай Авилов рассказывает читателям «Огонька» о десятиборье и о себе.

Николай АВИЛОВ,
олимпийский чемпион

ЕЦ

Десятиборец даже после победного исхода многочасовой борьбы обычно еще долго не может прийти в себя, отдышаться, освободиться от предельной усталости. Может быть, под впечатлением этой усталости мне и показалась столь знаменательной встреча с моим старшим товарищем Рейном Ауном, которая состоялась не на стадионе, а на экране. Вскоре после моего возвращения из Мюнхена домой, в Одессу, в моем родном городе проводился фестиваль спортивных фильмов, и вот в картине эстонских кинематографистов, которая называлась «Десятиборцы», я и встретился с Ауном, хорошо известным мне по совместным выступлениям на многих соревнованиях, прекрасным атлетом, всегда бывшим для меня примером спортивного мастерства и мужества. Аун после Токио закончил свой путь десятиборца, и вот теперь, вернувшись из Мюнхена, я увидел его на тренировке, беспощадной по трудности, которая, казалось, должна была доказать, что слабосильным, слабовольным, слабонервным в десятиборье делать нечего. «Если вы считаете, что сможете найти удовлетворение в многотруд ной жизни десятиборца,— как бь предупреждал зрителей Рейн Аун,— тогда дерзайте, а если сомневаетесь, то лучше выберите себе какой-нибудь один вид легкой атлетики, а не десять сразу».

И вот, сидя в темном зале, я снова почувствовал себя спортивным абитуриентом. Мне тринадцать лет. Я еще не слышал и слова такого— «десятиборье» и мечтаю вовсе о месте под баскетбольным щитом, хотя тренер детской спортивной школы Владимир Яковлевич Кацман больше заинтересован моими возможностями прыгуна в высоту. Во всяком случае, не пытаясь выбить из моих рук мяча, он настойчиво требовал, чтобы я посещал также тренировки легкоатлетов, хотя, конечно, понимал, что две тренировки в день — это немалая нагрузка для тринадцатилетнего мальчишки.

Первые три года занятий Владимир Яковлевич не подсказывал мне выбора, а я сам, пока не прыгнул на 170 сантиметров, все еще не хотел расставаться с баскетболом. Но когда в 1964 году мне удалось поднять планку на высоту 190 сантиметров, да еще совершить прыжок в длину почти на 7 метров, то понял, что десятиборья мне не миновать. А тут еще Рейн Аун, продолжая славные традиции двукратного рекордсмена мира, бронзового призера Римской Олимпиады Василия Кузнецова, завоевал серебряную медаль на Токийской Олимпиаде и словно приоткрыл передо мной дверь в сложный мир спорта.

Смешно сейчас об этом вспоминать, но лишь спустя три года, когда я уже по-настоящему занимался десятиборьем и начал выступать в разряде мужчин, мне по-настоящему удалось познакомиться с историей декатлона, прочитав интересную книгу Л. Горянова и Б. Львова, которая так и называлась — «Один за десятерых». Тот 1967 год был для меня насыщен многими знаменательными событиями. Именно тогда

на матче СССР — ГДР я познакомился с Йохимом Кирстом. В том сезоне на прощание со своей спортивной юностью я установил юношеский рекорд в десятиборье, набрав 7 286 очков. В том году на Спартакиаде народов СССР я встретился с самим Рейном Ауном и другими сильнейшими атлетами и занял пятое место, после чего меня и включили в сборную команду страны.

Вот тогда-то я и понял, что могу попасть на Олимпийские игры в Мехико, но разве смел я предполагать, что стану главной надеждой команды, что Аун и Ланка не смогут проявить в Мехико всех своих возможностей и только у меня останутся шансы на хороший результат. Как рвался я тогда к пьедесталу почета, но мне пришлось иметь дело с замечательным американским десятиборцем Билом Тумеем и с двумя лучшими десятиборцами ФРГ — Вальде и Бендлином, и выше четвертого места подняться я так и не смог.

На XV Олимпийских играх в Хельсинки четвертым оказался Владимир Волков, и этот результат был огромным его успехом, но ведь после этого Василий Кузнецов в Риме был уже третьим, а Рейн Аун в Токио вторым. Когда же советский десятиборец станет первым? Почему американским десятиборцам девять раз удавалось подниматься на высшую ступеньку пьедестала почета, а нам ни одного? И вот четыре года спустя, вернувшись из Мюнхена олимпийским чемпионом, еще не до конца поверив в свой успех, сидя в кинозале, я совсем другими глазами смотрел на то, как зарождается победа. И чем труднее приходилось десятиборцам на экране, тем легче становилось у меня на душе: нет, десятиборца трудностями не испугаешь.

Я видел себя в Мюнхене на последних тренировках вместе со своими товарищами — рекордсменом страны Борисом Ивановым и чемпионом СССР Леонидом Литвиненко. Я видел перед собой Йохима Кирста, которому проиграл первенство Европы в Афинах и в Хельсинки, и двух американцев — Баннистра и Беннета,— и десятиборцев ФРГ. Но, увы, хоть они и были рядом, но на предстартовых прикидках вместе с нами не выступали, будто играли с нами в прятки. А потом со мной в прятки сыграл сон. Как меня замотала бессонница! И, когда я понял, что с ней справиться будет потруднее, чем с самим Кирстом (кто мог знать, что случится на второй день борьбы с могучим немцем?), я, как и обычно при бессоннице, стал ругать на чем свет стоит это невыносимо трудное десятиборье, все — от бега на 100 метров до бега на 1 500 метров. Ну, в самом деле, зачем мне заниматься спортом, который начинается с бега и кончается бегом, если я вовсе люблю прыжки? Мне же лучше сто раз прыгнуть в высоту, чем один раз пробежать сто метров! А ты беги и помни, что каждая потерянная секунда грозит тебе потерей драгоценных очков.

Ах, эти бухгалтерские расчеты! Ну, почему десятиборцы должны мириться с тем, что какие-то спортивные статистики без устали усложняют оценочные таблицы, с помощью которых различные результаты переводятся в унифицированные очки? Стоит лишь вырасти мировому рекорду по одному из тех десяти видов атлетики, которые входят в декатлон, и вот вам уже повод к модернизации всей таблицы. С тех пор, как первый ее вариант был разработан перед V Олимпиадой 1912 года, оценочная таблица менялась еще четыре раза. И вот к чему это привело: если раньше бегун, пробежав 100 метров за 11 секунд, получал 905 очков, то по последней таблице, утвержденной в 1964 году, на его текущий счет записывается всего лишь 804 очка. Если за прыжок в высоту на 185 сантиметров десятиборцу раньше начислялось 888 очков, то теперь — всего лишь 840...

Так лежишь в предстартовую бессонную ночь, и в голове у тебя щелкают цифры, как в арифмометре, и вот с этих самых цифр еще в те часы, когда стадион погружен в темноту, и начинается твоя двухдневная борьба.

Два дня твое тело будет подключено к электронному табло, и никуда тебе не деться. Мое электронное табло было установлено перед началом соревнований на цифрах: 8 237. Таков был всесоюзный рекорд, установленный Борисом Ивановым. Хотя бы подобраться к этому результату — вот о чем я мечтал.

А утром буднично, без фанфар и барабанной дроби, началась борьба, и, не отдохнув после ночной арифметической вакханалии, вышел я на старт стометрового бега и прошел дистанцию на одну десятую хуже, чем в Мехико. Мое время —11 секунд. Вот и сразу потеряны 25 очков. Удастся ли наверстать упущенное на прыжках в длину? В Мехико я пролетел по воздуху 7 метров 64 сантиметра, но теперь мне этого мало. И вот я радуюсь своей удаче: 7 метров 68 сантиметров! Да, это удача не только потому, что прыжок мюнхенский оказался лучше мексиканского на 4 сантиметра, но и потому, что он лучше результата, показанного Кирстом, на 9 сантиметров. Но хоть мне и удалось немного поправить свои дела, однако я понимал, что не смогу удержаться среди лидеров после толкания ядра.

Нет, пожалуй, такого десятиборца, у которого не было бы своего слабого места; моя ахиллесова пята — ядро. Когда Йохиму Кирсту удалось толкнуть ядро на 16 метров 3 сантиметра, я оказался со своими 14 метрами 36 сантиметрами на четвертом месте. Но этого никто и не заметил. В то время, когда я возился с ядром, на стадионе происходили события, заставившие зрителей забыть о существовании нас, десятиборцев. Людмила Брагина закончила полуфинальный бег на 1 500 метров с новым мировым рекордом. Ее время — 4 минуты 5,1 секунды, и, увидев эти цифры на табло, я с завистью подумал: «Вот мне бы с такой скоростью бегать!» А тут еще Надежда Чижова с первой же попытки отправила свое ядро на 21 метр 3 сантиметра (чего стоил рядом с ее мировым рекордом не только мой бросок, но и бросок Кирста!). Как же нелегко выступать десятиборцу в одно время с «узкими» мастерами! Для чего же смотреть, как толкает ядро Авилов, если можно увидеть толчок Чижовой? Об этом я всегда помню, вот почему с усталостью у меня всегда соседствует чувство неловкости перед зрителями.

Итак, после трех видов лидировал Кирст, но теперь нас ждали прыжки в высоту, и здесь я надеялся не промахнуться. И действительно, с первой попытки преодолел 195, затем 198... 201... Только на рубеж 204 сантиметра я должен был использовать вторую попытку. Покорены 2 метра 8 сантиметров, 2 метра 10 сантиметров. Но все эти высоты, хоть и не так легко, брал и Кирст. Только на 2 метрах 12 сантиметрах он прекратил борьбу, в то время как я освоил и этот рубеж. Итак, победа? Да, победа, но в результате долгой и трудной борьбы я выиграл у Кирста всего-то два сантиметра, 18 очков! А через полчаса мы уже стартовали с Кирстом в одном забеге на 400 метров, и хоть я и выиграл у него четыре десятых секунды, хоть я и победил его в четырех видах из пяти, но по сумме очков Кирст все равно был впереди — немного, всего на 19 очков, но впереди.

И все-таки это был успех. Известно, что Йохим Кирст обычно в первый же день отрывается настолько от своих соперников, что проигрыш ему и двухсот очков считается удачей, а тут всего девятнадцать!

Второй день десятиборья начинается с барьерного бега на 110 метров, и, когда мы приехали на стадион в 9 часов утра, нас уже ждали переполненные трибуны и мокрая дорожка — всю ночь шел дождь. Я очень рассчитывал на барьерный бег, но мог ли предполагать, что после него больше не увижу рядом своего главного соперника? Когда я финишировал за 14,31 секунды и разрешил себе оглянуться, Кирста на финише не было.

Что же с ним случилось? Как оказалось, судьи, проверяя перед стартом его туфли, установили, что у него на пятках по два лишних шипа, и это-то обстоятельство стало началом конца нашей так интересно начавшейся борьбы. Кирст должен был уменьшить число шипов, а тут еще мокрая дорожка — и в результате падение.

Кирст сошел! Эта новость оглушила меня и серьезно озадачила. Кто же теперь мой главный соперник? И тут же мелькнула тревожная мысль: теперь побеждать надо с очень высоким результатом, лучшим, чем всесоюзный рекорд, ведь всем должно быть ясно, что Кирст все равно выиграть у меня не мог.

Невозможно выступать в десятиборье, не зная своих шансов. Вот нет Кирста. Сошел Вальде. Покинул арену Байер. Капитулировал Баннистр. Кто же теперь за моей спиной? Я этого еще не знал, когда взял в руки диск, и, только отправив его на 46 метров 98 сантиметров, смог заняться столь важными для меня подсчетами. За мной были десятиборец ГДР Шрайер, бельгиец Эрбанд, англичанин Габетт, поляк Янченко. А Леня Литвиненко далеко, Борис Иванов еще дальше...

Казалось бы, что для волнений нет причин: после метания диска я оторвался от ближайшего соперника на 300 очков, но мне ведь просто победить мало. Мне надо победить с очень высоким результатом. Сейчас я могу признаться, что под «очень высоким результатом» подразумевал мировой рекорд, но тогда после утренних соревнований я заставил себя не думать о цифрах, полностью выключиться, заняться лишь одним — отдыхом: в 2 часа должны были начаться прыжки с шестом, требующие огромной выносливости и выдержки...

Четыре часа продолжались прыжки, и хоть мне удалось перейти планку на высоте 4 метра 55 сантиметров, что совсем неплохо для десятиборца, но Беннет преодолел высоту еще большую — 4 метра 80 сантиметров — и сразу выдвинулся в ряды лидеров. Когда я отложил в сторону шест для того, чтобы взяться за копье, мне казалось, что в моих мышцах не осталась и грана энергии. И действительно, с первой же попытки — неудача. Копье легло плашмя, не оставив отметки на траве, вот и пришлось вторую попытку провести, не рискуя, уменьшив разбег... Когда копье взлетело в воздух, я долго смотрел, как оно летит! Стоял и ждал, а копье летело и летело. Был момент, когда мне показалось, что оно улетит за сектор, и тогда снова неудача, и останется у меня лишь одна попытка. Но все обошлось благополучно, и вот еще один мой личный рекорд —61 метр 66 сантиметров! Так пришло время окончательных подсчетов перед последним стартом, подсчетов наперегонки, подсчетов из последних сил. После девяти видов я набрал 7 815 очков. Для того, чтобы перекрыть мировой рекорд Тумея —8 417 очков, мне надо пробежать 1 500 метров за 4 минуты 23 секунды. Тогда я получу за бег 628 драгоценных очков, тогда я установлю в десятиборье мировой рекорд, равный 8 443 очкам. И скорость такая мне по плечу. Ведь я пробегал 1 500 метров и на пять секунд лучше! Но разве при такой усталости? Нет, сейчас мне не пробежать! Ни за что не пробежать! Кружатся, сталкиваются цифры. А ноги после прыжков с шестом совсем не держат, и нервы после копья напряжены до предела.

Таков уж декатлон. От одного вида легкой атлетики к другому высасывает он из человека силы и для конца, для десятого вида — бега на 1 500 метров,— ничего не оставляет. Как же бежать? А Леня Литвиненко шепчет: «Ты держись за мной. Мне деваться некуда. Мне надо показывать скорость, иначе в шестерку не попаду». Леня Литвиненко умеет бегать 1 500 метров. Вот и сейчас он надеется пробежать хорошо, но разве за ним удержишься? А тут еще американцы в первом забеге показали, как надо бегать. Беннет прошел дистанцию за 4 минуты 12 секунд! Невероятно!..

До сих пор не знаю, как добежал. Я мечтал только об одном — не слишком оторваться от Литвиненко. Я видел, что он сохраняет силы для финишного броска, но кто мог знать тогда, что Леня Литвиненко после бега с восьмого места переместится на второе, призовое, серебряное! 4 минуты 5,9 секунды —такой скорости никто не показывал. Это же почти как Брагина! Будто сама Брагина вела его к финишу. А я только одно твердил: «Конец — делу венец»,— но метров за триста почувствовал такую боль в левой стороне живота, что решил: нет, это просто конец без венца. Не знаю, как и добежал, да еще за 4 минуты 22,8 секунды. На две десятых секунды лучше, чем мечтал. А когда мы с Леней обнялись, тут же, на дорожке, когда я увидел цифры на табло —8 454, цифры моей победы, цифры нового мирового рекорда, когда узнал, что Леня на втором месте, позабыл об усталости и вдруг понял, что не потерял еще способности радоваться...

На эту радость я, наверное, и истратил последние остатки сил. Во всяком случае, когда вслед за Джефферсоном Беннетом сам Бил Тумей поздравил меня с победой и мировым рекордом, когда Роберт Мэтиас, двукратный олимпийский чемпион, мистер Декатлон, как его называют, протянул мне золотую медаль, выбитую в его честь после победы в Хельсинки, когда Йохим Кирст заявил, что «Авилов все равно выиграл бы у меня, он сильнее», я уже не мог даже улыбнуться им в ответ. Я только повторял про себя все те же слова, что и во время бега: «Конец — делу венец».

СПОРТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Джеймс ОЛДРИДЖ

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Тактика поведения моего отца на судебных сессиях была достаточно гибкой. Иногда он как будто и не слушал того, что говорит оппонент, а в других случаях, наоборот, был весь внимание. Именно так он начал действовать и сейчас. После больших затруднений, в которые попал сержант Коллинз, гуртовщик Скиттер опасался каверзных вопросов, а отец словно гипнотизировал его вежливым и строгим вниманием к каждому слову свидетеля. В общем, наступил черед и для Скиттера.

— Какого цвета волосы у Скотта Пири, мистер Биндл? — спросил отец.

— Я не знаю,—сказал Скиттер,—вроде светло-коричневого, так мне кажется.

— А может быть, каштанового?

— Вы имеете в виду — рыжеватого? — переспросил Скиттер.

— Вот, вот. Рыжеватого.

— Да, чуть рыжеватого.

— Вы уверены?

— Да.

— Вам известно, мистер Биндл, сколько в Сент-Хэлен этих чертенят-мальчишек тринадцати лет с рыжеватыми волосами, которые умеют плавать, как рыба?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—5.

— Нет.

— Я тоже не знаю, но, наверно, мог бы привести сюда с полдюжины. Что же помогло вам отличить Скотта Пири от других рыжеватых мальчиков?

— Собственно, ничего. Тот просто был похож на Скотта Пири.

— Понимаю. Были ли на нем подтяжки?

Скиттер поднял глаза к потолку.

— Не знаю. Может быть, были. Я не видел.

— Тогда послушайте, мистер Биндл. Я стараюсь помочь вам быть более точным, а вы как будто сопротивляетесь этому. Если вы не смогли увидеть, носит он подтяжки или нет, значит, вы находились не на очень близком расстоянии от него?

— Я был совсем близко, но не заметил, есть ли на нем подтяжки.

— Вы не заметили. Тогда что же вы заметили? Приведите какой-нибудь один признак, который убедил бы нас всех, что это был Скотт Пири, тринадцати лет, чертенок с рыжеватыми волосами.

— Очень трудно выбрать один какой-либо признак,— нагловато усмехнулся Скиттер Биндл.— Но это был он, вот и все.

Тут мой отец словно потерял интерес к свидетелю, хотя и продолжал нащупывать и развязывать и другие узелки в показаниях Скиттера. Выведя этим из терпения судью и обвинителя, он наконец повернулся к Скиттеру спиной и неожиданно сказал, обращаясь к членам суда.

— Если обвинение будет опираться в данном деле на такие улики, о каких мы до сих пор слышали, я напишу соответствующее представление в более высокую инстанцию. Это просто смешно!

Он бросил карандаш на стол и сел.

Но председательствующего эти слова отца, видимо, довели до белого каления. Он громко и раздраженно сказал, что пусть мистер Квэйл подобные замечания делает в установленное для этого время, а не при опросе свидетелей.

— Иначе вы повредите своему клиенту и себе самому, мистер Квэйл,— добавил он.

Но отец не откликнулся на слова судьи, и тот предложил Скиттеру Биндлу сесть.

Последним свидетелем обвинения был Алан Смит, инспектор штата по каналам и рекам, специалист по ирригации и борьбе с наводнениями, раз в месяц посещавший Сент-Хэлен. Он работал в этой должности тридцать лет, слыл кудесником, умеющим предсказать, много ли воды будет в засушливый сезон, за что жители нашего города очень уважали и любили его. Это был высокий, худой человек со стального цвета седеющими волосами и пышными усами.

Он сказал, отвечая на вопросы Страппа, что знает мальчика Скотта Пири, так как бывал на ферме Пири и давал советы его отцу. Он знает мальчика хорошо. Где же он видел Скотта Пири в последний раз, поинтересовался Страпп. Он видел его в то утро, когда был украден пони у Айров. Было это (он назвал дату) в пять часов утра возле отмели на большой реке, у зарослей. Скотт ехал верхом на пони. Он крикнул какое-то приветствие мальчику, но тот, услышав его голос, ударил пятками в бока пони, пустился наутек и скрылся в зарослях.

— И вы уверены, что это был Скотт Пири?— торжествующе спросил Страпп.

— К сожалению, да,— сухо подтвердил Алан Смит.

Это было все. И я ломал себе голову, как отец справится с таким свидетельством всеми уважаемого человека.

— Так вот, мистер Смит,— начал мой отец.— Вы рано встали в тот день. Что вы делали тогда на речном берегу?

— Я регулярно инспектирую все отмели.

— Понятно. Вы ведь эксперт по нашим водным системам, не правда ли?

— Да.

— Вы, можно сказать, всю жизнь отдали изучению рек и каналов?

— Да, тридцать лет.

— А знаете ли вы кого-нибудь, кто после одного или двух лет практики мог бы считаться экспертом в вашей области?

— Нет. Требуется намного больше времени, мистер Квэйл, чтобы научиться тому, что знаю я.

— Ясно. Вы, значит, считаете, что все надо знать основательно. Именно поэтому вы хороший эксперт, так ведь?

— Видимо, так.

— Дилетант, например, даже умный, не мог бы знать столько, сколько знаете вы? И, видимо, допускал бы серьезные ошибки?

— Да, конечно. Но, откровенно говоря, я не вижу, к чему ведут ваши вопросы.

— Да и мы не видим! — со вздохом сказал Страпп.— Но мы уже привыкли к таким вещам, мистер Смит. Так что будьте терпеливы с моим оппонентом.

— Я вот к чему веду, мистер Смит,— спокойно сказал отец.— Вы являетесь экспертом, например, по валлийским пони?

— Нет.

— А экспертом по мальчишкам-школьникам?

— Нет. Едва ли.

— Наверно, вы считали бы себя дилетантом в обоих этих вопросах и поэтому способным допускать ошибки?

— Если вы так ставите вопрос, то да.

— Вы говорите, что видели в то утро мальчика Скотта Пири верхом на пони?

— Да.

— И он пустился наутек (это ваши слова), когда вы окликнули его?

— Да.

— А откуда вы знаете, что он пустился наутек?

— Это было очевидно.

— Признавая себя дилетантом в вопросе о поведении детей, мистер Смит, вы все-таки считаете возможным сказать, что со значительного расстояния в пять часов утра вы точно видели, что мальчик пустился наутек, то есть вел себя именно так, а не иначе?

— Что ж, это казалось очевидным.

— Ах, вот как! Теперь мы подходим к вопросу ближе: это казалось вам очевидным. Ну, а пони вы хорошо разглядели, мистер Смит?

— Да, хорошо.

— Была у него подстрижена грива?

— Думаю, что нет,— чуть помедлив, сказал Смит.

— А хвост подрезан?

— Кажется, нет.

— Когда мальчик бросился наутек, было ли ясно по поведению его и пони, что они спасаются бегством?

— Я не могу этого сказать: вы ведь сами предупредили меня, мистер Квэйл, что я не эксперт по детскому вопросу. А тем более я не решаюсь судить о поведении лошади.

В зале послышался смех. Но отец только покивал головой.

— Совершенно верно,— вежливо сказал он.— Вы честный человек, мистер Смит, и я ценю это. Значит, вы знаете твердо, что это был тот мальчик?

— Да.

— И пони тоже?

— Да.

— А какой пони? — вдруг вцепился в Смита отец с неожиданной свирепостью.

Мистер Смит заморгал глазами.

— Ну,— протянул он,— это был один из валлийских пони, которых разводит мистер Айр...

— Нет, нет! — нетерпеливо сказал отец.— Я имею в виду именно того самого пони, которого вы видели. Вы ведь знаете, что мальчика обвиняют здесь в краже пони у мистера Айра. Так вот, пони, о котором у нас идет речь, и был именно тот, что украден?

— Я, право, не знаю. Это был просто пони. Вот и все, что я могу сказать об этом.

— Иными словами, вы заявляете нам: «Как могу я знать, был ли это тот пони, которого украли?»

— Да, если угодно.

— Итак, вы твердо уверены насчет мальчика, но вы не можете быть уверены, что пони, на котором он ехал, есть украденный пони?

— Да, не уверен. Я не мог так подробно вдаваться в это, мистер Квэйл. Они просто попросили меня сказать, что́ я видел, и это все, что я пытаюсь сделать.

— Я хотел бы задать вам еще только один вопрос, мистер Смит,— сказал отец.— Я ставлю его не в порядке предположения, а просто передаю на ваше суждение. Если бы вы видели этого пони очень близко, если бы вы потратили часы, даже дни на изучение его, могли бы вы тогда явиться в суд и сказать под присягой, что это и есть украденный пони?

— Нет, не мог бы, мистер Квэйл.

Отец движением руки дал понять, что он кончил допрос и, по сути дела, показал всю шаткость обвинения.

Потом отец оглянулся вокруг, словно и сам удивляясь тому, как все обернулось. Но когда он садился за стол, я подумал, что он далеко еще не выручил Скотти из беды. Он кое в чем поколебал свидетельство Алана Смита, даже отчасти высмеял его; но я был убежден, что судьи еще не настроены так, чтобы запросто отпустить Скотти.

— Полагаете ли вы, что было бы правильно теперь разрешить вашему юному клиенту предстать перед судом? — спросил с изрядной ноткой сарказма судья, обращаясь к отцу.

— Отчего же? — небрежно бросил он.— Может быть, мистер Куфф пошлет за ним кого-либо?

Судья велел судебному приставу Куффу, старому однорукому солдату, послать констебля Питерса в школу и привести Скотти.

— Есть ли у вас еще какие-либо замечания, мистер Страпп? — обратился судья к обвинителю.

— Я не думаю...— протянул Страпп.— Мы ведь исходим здесь из фактов и доказательств, ваша милость. А не из ученых дискуссий и ловко состряпанных перекрестных допросов. Перед нами простое, достойное сожаления дело. Мы не добивались обвинения мальчика. Но, я думаю, мы показали здесь, что он взял пони. И, как бы ни было печально, обязанность закона и этого суда — соответственно реагировать на это, невзирая на то, каково положение мальчика и что будет еще говорить здесь мистер Квэйл. Речь идет о законе, а закон не может уклониться от своего долга. Так пусть же свершится правосудие, невзирая ни на что!

Это было хорошо сказано. Я знал, что Страпп не пожелает вдаваться в мелочи по этому делу. Чем меньше говорить в данном случае, тем лучше — такова была его позиция. Поэтому я и чувствовал, что отец еще далеко не может считать себя победителем. Он не любил Страппа, но был с ним корректен, поскольку Страпп тоже хорошо знал законы, хотя и слишком перегружал свои выступления цитатами.

— Итак, мистер Квэйл, я думаю, что теперь вы собираетесь в заключительном слове сказать нам нечто поучительное?—кисло проскрипел судья.

Но я уже предвидел, что отец действительно приготовил кое-что, иначе ему грозило проиграть дело.

— Если суд нуждается в поучении,— начал отец,— тогда я, конечно, готов оказать ему эту услугу. И я надеюсь, что к моим словам внимательно прислушаются и судьи и все, кто находится в этом зале. Ибо это дело включает в себя нечто гораздо большее, чем простое обвинение мальчика в краже пони. Мой ученый друг, мистер Страпп, упоминал о законе. Пусть свершится правосудие, сказал он. Но что такое, по сути дела, закон?

— Ваша милость! — вскочил Страпп и даже простонал от возмущения.— Если нам собираются прочесть здесь лекцию о том, что́ есть закон, то я предложил бы отложить заседание с тем, чтобы мы могли отдохнуть, подкрепиться и приготовиться выслушать определение того, что́ есть закон, хотя это не удавалось сделать самым великим умам.

— О нет, сэр! — повысил голос отец, прежде чем судья успел что-нибудь сказать.— Мой оппонент не в состоянии убедить ни суд, ни меня. Обращение к сути закона не есть нечто излишнее и наскучившее, или не относящееся к делу, или вообще никчемное.— Он повернулся к Страппу.— Обвинитель сказал: пусть свое дело сделает закон. Очень хорошо. Но я хотел бы спросить: о каком законе вы здесь толкуете? Вернее, я хотел бы подчеркнуть, что здесь имеет место злоупотребление законом. Злоупотребление такого рода, что я, независимо от того, каким будет решение суда, этого так не оставлю. Суть заключается в том, что данное дело вообще не должно было ни в коем случае стать предметом разбирательства в суде!

Возьмите сами события, как они развивались. Мальчик, сын бедного иммигранта, лишился лошади, и богатый человек лишился другой. Когда пропала лошадь у мальчика, по-

Всесоюзная художественная выставка «Всегда начеку».

Г. Жанков (Кишинев). СЛЕДОВАТЕЛЬ.

А. Знак (Красноярск). ИНСПЕКТОР ГАИ.

Всесоюзная художественная выставка «Всегда начеку».

лиция ограничилась канцелярской перепиской и фактически не сделала ничего. Но вот мальчик убеждается, что он обнаружил своего пони у мисс Джози Айр и пытается силой получить его обратно. Его попытка, естественно, вызывает противодействие, и полиция вполне закономерно препровождает его домой. Но через некоторое время исчезает пони мисс Айр. Что же делает полиция? Взяв на подмогу мистера Эллисона Айра, она немедленно начинает атаку на мальчика. Что же мы, таким образом, видим? Закон явно нарушается: одни правила применяются к мальчику, а другие — к взрослому. Ребенка обвиняют в воровстве, а взрослого даже не осмеливаются заподозрить в том же.

Я должен заявить суду следующее: если мальчик будет признан виновным, я перенесу это дело в более высокую инстанцию, и там, надеюсь, все будет расследовано надлежащим образом: я имею в виду, что мистер Эллисон Айр будет вызван в качестве свидетеля, и мне будет дана возможность самым строгим образом допросить его и других и задать все вопросы о прямой или косвенной роли мистера Айра в этом деле.

Судья уже давно постукивал костяшками пальцев по столу.

— Мистер Квэйл,— сказал он раздраженно,— прошу вас не высказывать угроз в адрес лица, которое не является, строго говоря, существенно важным свидетелем в этом деле.

— Тогда, сэр,— подхватил отец, стуча так же пальцами по своему столу,— вы, видимо, желаете, чтобы я попросил вас вызвать мистера Айра свидетелем сейчас?

— Я не имел это в виду,— поспешно сказал судья, явно испугавшись самой возможности усадить Эллисона Айра на скамью свидетелей.

— В законе нет ничего,— сердито продолжал отец,— что запрещало бы мне упоминать имя или действия любого лица, которое так или иначе связано с делом. Разве, по-вашему, мистер Айр не является владельцем пони, в краже которого обвиняется мальчик Пири? Вы что же, запрещаете мне упоминать мистера Айра?

Мой отец использовал замешательство судьи и обвинителя, и я отчетливо видел, как торопливо Страпп написал и послал записку председательствующему. Я готов биться об заклад, что там было написано примерно следующее: «Ради бога, постарайтесь замять это, Джек, и заставьте его перейти к другим вопросам».

— Я не запрещаю вам ничего, что не противоречит закону,—промямлил наконец судья.

— Вот почему я и держусь обеими руками за закон,— сказал отец, глядя прямо в глаза судье.— Фактически в этом деле все является нарушением закона. Возможно, конечно, что мистер Эллисон Айр был подавлен тем, что пропала лошадь его больной дочери. Но все, что последовало за этим, позволяет, во всяком случае, предположить, что полиция действовала поспешно под давлением мистера Айра. Судьи слушали показания сержанта Коллинза. Он, а не суд решил, что любой пони, найденный на ферме Пири, и есть пони, украденный у мистера Айра. Ну, а если бы он, скажем, забрал у мальчика пони, много ли было бы у Скотта Пири шансов получить его обратно? Помогла бы ему тогда полиция? Где же равенство перед законом в этом суде?

— Вы снова чрезвычайно расширяете вопрос, мистер Квэйл,— пожаловался судья.

— Да, конечно, я излагаю суть вопроса.

— Мы это очень ценим, но если у вас есть какие-либо конкретные соображения, прошу вас высказать их.

Я увидел, что судья уже предчувствует «конкретные соображения» и что отец как раз и переходит к ним.

— Хорошо, ваша милость. Мои основные соображения следующие. Никакого уголовного преследования мальчика Пири не должно было быть. Полиция не должна была оперировать тем, что ей «казалось». Сначала следовало вспомнить о том, что у мальчика был свой пони, затем убедиться, что полиция не в состоянии установить, тот ли это пони, который находился у Айров, и лишь после этого передать дело в суд. Но сержант Коллинз вообще никогда не видел этого пони и поэтому не знал, какого пони он собирается конфисковать. Все здесь сводится именно к этому вопросу.

— Во имя всего святого, ваша милость! Разве не этот именно вопрос мы с вами старались здесь выяснить? — вмешался Страпп.

— Нет,— возразил мой отец.— Вы все сосредоточили на мальчике. И, позвольте мне сказать, это выглядит так, словно некоторые лица пожелали использовать закон против мальчика: напугать его, угрожая законом, сделать его виновным якобы на основании закона, чтобы он в страхе выдал пони им, а они отдали бы его мистеру Эллисону Айру. Но я говорю вам: этого не должно случиться, какое бы решение ни вынес суд.

Теперь уже отец угрожал авторитетом закона, который знал досконально, и спор начинал принимать другое направление. Но я чувствовал, что отец все еще не открывает своего главного козыря.

Судья снова застучал пальцами по столу.

— Вы высказываете в отношении суда совершенно недопустимые суждения, мистер Квэйл, и я не могу позволить вам продолжать в том же духе.

Отец даже глазом не повел, он смотрел куда-то вверх, через голову председательствующего.

— Тогда я должен повторить,— сказал он, словно не слышал предупреждения.— Все дело в пони.

— Ну и что же? — развел руками судья.

— Итак, у нас есть пони...— медленно начал отец.

— Что?! — вскочил Страпп.

— Да, да. У нас есть пони. Мы этого не отрицаем. И мы никогда не отрицали этого.

— А чем же, черт возьми, занимался мистер Квэйл все время в суде?! — закричал побагровевший Страпп.— Вы все время отрицали это!

— Я только стремился доказать, что мой подзащитный не вор. И когда свидетели говорили, что видели его верхом на пони, я только старался убедиться, твердо ли свидетели уверены, что это именно украденный пони. И ни один из свидетелей не пожелал подтвердить это под присягой. Ни один. Они говорили, что не знают этого.

— Но где же он, этот пони, мистер Квэйл? — хмуро спросил судья, не подымая глаз.

— Одну минуту, ваша милость. Я хочу внести ясность и прошу внимания. У нас есть один пони, но два претендента на него, и каждый из них утверждает, что пони принадлежит ему. Есть ли это Бо, принадлежащий мистеру Айру, или это Тэфф, принадлежащий мальчику Скотту Пири? Вот в чем главный вопрос, и вот что надо разрешить средствами закона. Обоих претендентов надлежало поставить в равное положение перед законом, если бы, конечно, мистер Эллисон Айр счел нужным быть стороной в этом деле. Но нельзя же такими бесчестными...

— Мистер Квэйл! — прервал его судья.

— Хорошо, я не стану повторяться. Но именно такое участие в деле могло бы обеспечить единственно достойную позицию для мистера Эллисона Айра, вместо того чтобы помогать обвинению мальчика...

— Я решительно протестую! Протестую со всей силой предоставленного мне права!..— Слова беспорядочно слетали с толстых губ мистера Страппа.— Перед мистером Айром была его несчастная дочь...

Мой отец повернулся к нему.

— Но вы забываете, что перед нами и несчастье мальчика Пири,— процедил он сквозь зубы.— Своим обвинением вы усугубили несчастья, которых и без того немало в его жизни. Ведь не маленькая же мисс Айр предстает перед судом. Вы преследуете оборванного, полуголодного тринадцатилетнего мальчика. Разве это не новое несчастье для него после потери своего единственного пони? Может быть, мне привести здесь в суде место из Шейлока о чувствах, вызываемых страданиями и несправедливостью?

— Продолжайте ваши соображения,— сказал судья, стараясь остановить моего отца, который распалялся все больше.

— Мои соображения очень просты,— сказал он, поворачиваясь к суду, а затем перевел взгляд на Эллисона Айра.— Я предлагаю отменить уголовное дело против Скотта Пири без всяких последствий для него. Затем мистер Эллисон Айр, если он пожелает, может избрать другую форму иска против моего клиента, не выставляя его в качестве вора.

— Ну, нет! Ну, нет! — воскликнул мистер Страпп.

— Пусть мистер Айр докажет, чей это пони,— продолжал отец, глядя теперь на Страппа.— Пусть предоставит суду решить, есть ли этот пони Бо или он Тэфф. А если обвинение будет настаивать и продолжать свою игру, изображая Скотта Пири виновным в уголовном преступлении, мне придется распространить бремя ответственности и на других лиц...

— Но где же все-таки находится пони? — вдруг спросил снова судья.

— Да, я настаиваю на том, чтобы пони был предъявлен!— крикнул Страпп.

— Кому? — спросил отец.— Мистеру Айру? Сержанту Коллинзу? Оба они давно решили вопрос о том, кому принадлежит пони. Нет уж, извините.

— Ваша милость! — вскочил Страпп.— Мистер Квэйл намеренно утаивает от суда вещественное доказательство!

— Какое доказательство? Докажите, если можете, чей это пони, а потом обвиняйте меня во всех смертных грехах. Откуда вы знаете, сэр, что имеющийся в нашем распоряжении пони есть тот, о котором вы толкуете здесь? Докажите это!

— Прошу вас, джентльмены! — замахал рукой судья, видя, что отец и мистер Страпп уже чуть ли не колют друг друга нахмуренными бровями.— Я не допущу этого. Садитесь, оба садитесь.

— Я стою, потому что делаю свои заключительные замечания,— возразил отец.— Вы предлагаете мне прекратить, ваша милость?

— Я только предлагаю обеим сторонам вести себя надлежащим образом,—сказал судья.

— Но, ваша милость, я настаиваю: защитник скрывает вещественное доказательство!—прохрипел Страпп.

— Можете повторять это без конца,— заметно успокаиваясь, ответил отец.— Но я не позволю предъявить пони раньше, чем будет снято с мальчика обвинение в том, что он украл своего собственного пони. У него давно был пони. Это его пони. Тут нет преступления. И никакой суд не решится признать это преступлением.

Я услышал, как притворно зевнул Страпп,— видимо, он уже признавал себя побежденным.

— Еще раз,— сказал отец, тоже услышав этот зевок,— я призываю обвинение снять уголовное дело. Я приглашаю мистера Айра, который присутствует в зале суда, участвовать в какой-либо форме в качестве стороны в этом деле — это можно сделать десятком способов — при решении вопроса о том, кому принадлежит пони, который находится у моего клиента, Бо ли он или Тэфф.

Я видел, как Эллисон делает знаки глазами, ртом и даже носом Страппу, и читал их так: «Да, да, да, только сделайте, чтобы пони появился».

— Мистер Страпп? — устало проговорил судья.— Есть у вас замечания к предложению мистера Квэйла?

Прошло довольно много времени, пока мистер Страпп приводил в порядок свои мысли, и я видел, как он торопливо переслал какую-то записку Айру через своего помощника (у отца моего не было помощника, пока Том не вступил впоследствии в эту должность). Наконец Страпп встал и неуверенно начал:

— Трудно сделать какие-либо замечания, ваша милость, которые не выражали бы негодования и осуждения методов, используемых здесь моим оппонентом. Но,— добавил он поспешно, чтобы отец не мог вставить ни одного слова,— мы все заинтересованы в правильном решении существа дела. И если предложения мистера Квэйла помогут урегулировать этот конфликт мирно, то при условии, если пони будет предъявлен (он дважды повторил это условие), мы возьмем обратно наше обвинение. И предложим, чтобы вопрос был решен иным путем, как это предлагает мистер Квэйл.

Послышался смех, шум и иронические возгласы в зале, кое-кто принялся аплодировать. Я видел, что у нашей учительницы мисс Хильдебранд горят щеки и она радостно, даже восторженно улыбается. Это меня немало удивило: она, оказывается, тоже на стороне Скотти!

А я-то думал, что его ящерицы должны были оттолкнуть ее в лагерь Эллисона Айра...

— Если позволит суд,— заговорил отец, когда судья восстановил относительный порядок,— тут есть одно обстоятельство, которое я хотел бы сделать абсолютно ясным. Мы представим вам пони только в том случае, если обеими сторонами будет строжайше соблюдена буква закона, предусматривающего подобные случаи. Пони будет передан в полицию, его поместят в загон, где он будет находиться под неусыпным надзором полиции и с гарантией, что не будет допущено никакого постороннего вмешательства, иначе как по взаимному соглашению сторон. Мы передадим пони только на этих условиях, которые не должны быть нарушены никем и ничем.

— Я не могу вынести такого решения, мистер Квэйл,— сказал судья.— Если я прекращаю дело...

— Простите, ваша милость. Вы не прекращаете дело. Обвинение берется обратно.

— Правильно. Но, во всяком случае, это не моя задача — давать подробные указания полиции, как ей выполнять свои обязанности.

— Тогда я попрошу сержанта Коллинза заверить честным словом, что будет соблюден изложенный мною порядок.

Коллинз встал.

— Я могу заверить суд, что мы примем пони и будем охранять его в нашем загоне.

— Я знаю, что вы сделаете это,— сказал ему отец.— Но только в соответствии с буквой закона. Иначе это будет нарушением, которое не так-то легко будет оправдать.

— О боже милостивый! — вздохнул Страпп.

— Итак, обвинение Скотта Пири в краже берется вами обратно, мистер Страпп? — спросил окончательно потерявший терпение судья.

— Да, ваша милость, мы берем его обратно.

— Тогда пусть будет записано в протокол, что это обвинение снимается с повестки дня суда.

Так была восстановлена гражданская честь Скотти, но как раз в это мгновение констебль Питерс ввел его в зал суда. Скотти беспокойно оглядывался, но на его загоревшем от солнца лице была написана решимость.

— Привет тебе, Скотти!— крикнул кто-то из зала. Это был старик Питерсон, ночной сторож лесного двора, он любил выкидывать с нами, школьниками, разные штучки: давал нам шестипенсовую монету и посылал купить на нее банку «полосатой краски» — это, конечно, означало, что он дарит нам монету.

Четверо горожан даже подошли к Скотти и похлопали его по плечу, в то же время кое-кто вертелся и вокруг Эллисона Айра, что его вконец разозлило. В зале была весьма разношерстная публика, и все говорило о расколе, уже охватившем город: за Скотти или за Эллисона, а точнее, за Скотти или за Джози.

— К порядку в суде! К порядку! — прокричал судебный пристав Куфф.

— Я велю очистить зал, если не прекратятся эти демонстрации! — крикнул и сам судья.

Все еще надеясь, что отец не видел меня в зале, я пробрался через толпу к двери, вышел на улицу и побежал. Не успел я завернуть за угол, как меня окликнули:

— Кит! Кит Квэйл!

Это была мисс Хильдебранд. Я знал, что она заметила меня в суде, и остановился, надеясь упросить ее не говорить директору.

— Что ты тут делаешь? — спросила она сильным, молодым голосом и покраснела. Она краснела даже тогда, когда накрывала когo-либо из нас за какой-нибудь проказой, и всегда говорила громко, словно хотела быть суровой с нами, но это ей не удавалось.

Я ничем не мог оправдаться. Просто стоял, переминаясь с ноги на ногу и ожидая, когда она начнет меня отчитывать.

— Ну ладно,— сказала она.— Пойдем в школу вместе.

Идти с учителем было не очень приятно в любое время, а уж с мисс Хильдебранд, да еще при таких обстоятельствах,— тем более.

— Твой отец — очень умный и одаренный человек,— сказала она.

— Я знал, что он выручит Скотти,— гордо ответил я, хотя не был уверен в этом до самых последних минут.

— Я думала, что они отправят Скотти в тюрьму. Если бы они сделали это,— добавила она, как всегда, торопливо,— я встала бы и заявила протест.

— Вы хотите сказать, что сделали бы это в суде, мисс Хильдебранд?

— Да. Именно в суде.

Я был поражен. Мысль о том, что эта робкая, вечно краснеющая женщина могла подняться в суде и протестовать, выставляя себя скорее всего на посмешище, казалась настолько невероятной, что я только подумал: как много сочувствия Скотти успел уже вызвать у наших горожан!

— Я просто не перенесла бы, если бы с ним поступили несправедливо,—продолжала она.— Поэтому скажи отцу, что он вызвал восхищение у... одного человека.

— А как вы думаете, что случилось бы со Скотти, если бы мой отец не взялся его защищать? — спросил я. В то время я был растерян и только позже начал здраво судить обо всем.

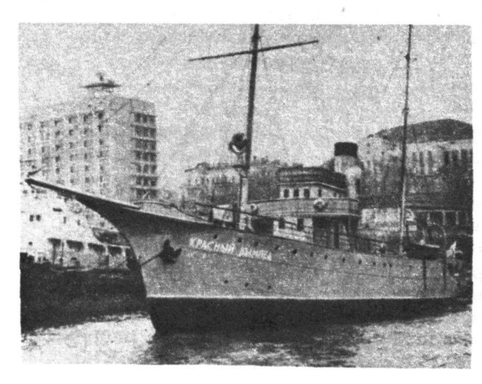
— Меня дрожь пробирает, когда думаю об этом,— сказала мисс Хильдебранд; ее легкие, быстрые шаги словно аккомпанировали нашему разговору.— Они судили бы его грубо, бесчеловечно и, наверно, посадили бы за решетку, пока он не сказал бы, где находится пони. Но я убеждена, Кит, что это *его* пони. Не может быть, чтобы это был пони Джози Айр. Я просто не верю этому...

Продолжение следует.

Перевел с английского
Л. Чернявский.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ «АВРОРА»

ИЗ ПОЧТЫ «ОГОНЬКА»

Первенец Краснознаменного Тихоокеанского флота — сторожевой корабль «Красный вымпел» ныне стал мемориальным музеем. Легендарна судьба этого корабля. Он был построен на Охтинском адмиралтействе в 1910 году и назван именем адмирала Завойко, прославившегося в 1854 году при обороне Петропавловска. Во время меркуловского мятежа 1921 года корабль находился в Петропавловске-на-Камчатке. Белогвардейцы отдали приказ капитану судна Л. Клюссу прибыть во Владивосток. Однако находившийся на борту член правительства А. Янум принял решение следовать в Шанхай. В китайском порту белогвардейцы пытались дважды захватить «Адмирала Завойко», но команда корабля не допустила этого. 24 января 1923 года на «Адмирале Завойко», все еще находившемся в Шанхае, был впервые на Тихом океане поднят флаг Советской республики, а через два месяца корабль наконец возвратился к родным берегам, в бухту Золотой Рог.

Вскоре «Адмирал Завойко» был переименован в «Красный вымпел». Но есть у него еще одно, прочно утвердившееся за ним название: дальневосточная «Аврора»...

Героический корабль посещают экскурсанты со всех концов страны и зарубежные гости. Молодые солдаты и матросы принимают на корабле военную присягу, юные школьники клянутся в верности делу партии. Частые гости на корабле — старые большевики, ветераны армии и флота, участники партизанской войны в Приморье.

Майор Ю. ДУРНЕВ

На снимке: «Красный вымпел» на вечной стоянке во Владивостоке.

Д

الكتاب الأفريقيون الآسيويون

Казалось, последняя встреча афро-азиатских писателей, состоявшаяся в конце 1970 года в столице Индии Дели, была совсем недавно. Да и в самом деле, что такое два года в нашем быстротекущем времени? И много и мало... Но вот уже совсем близко новая встреча в Алма-Ате. В начале сентября 1973 года столица Казахстана радушно примет участников Пятой конференции писателей стран Азии и Африки. Открытие конференции будет отмечено посвоему важной для литераторов двух великих континентов датой — 15 лет назад в столице Узбекистана городе Ташкенте открылась Первая конференция, положившая начало этой новой, никогда ранее не существовавшей организации, объединившей писателей Азии и Африки, отдавших свои сердца делу борьбы с империализмом, колониализмом и расизмом. До сих пор в памяти торжественное открытие Первой конференции в Ташкентском театре имени Навои и первые слова, обращенные к делегатам, произнесенные общественным деятелем и известным писателем Узбекистана Шарафом Рашидовым...

Пятнадцать лет... Годы борьбы за единство и собирание писательских сил... Встречи на конференциях в Каире, Бейруте, Дели... В Дели и было горячо принято приглашение советских писателей встретиться в Алма-Ате. Еще в феврале прошлого года мы побывали в Алма-Ате, где уже начиналась подготовка к приему гостей.

Член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаев принял писателей и сказал, что гости из стран Азии и Африки сумеют, находясь в Алма-Ате, не только обсудить все свои писательские дела, но и широко познакомиться с жизнью трудящихся Казахстана.

...И вот снова мы летим в Каир, на заседание Постоянного бюро нашей ассоциации, для того, чтобы рассказать о широкой и деятельной подготовке к конференции, какую ведут Союз писателей СССР и Советский комитет по связям с писателями Азии и Африки.

Тревожный Каир встретил нас, как и все последние годы после израильской агрессии. Внешне будто бы все так же в столице Египта. Теплая, словно весенняя, сочинская погода. Чистое синее небо. Все так же неторопливо катит Нил под мостами свои темные волны. Но именно в эти дни израильские агрессоры снова совершали варварские налеты на Сирию и Ливан... И, конечно же, нет успокоенности у египтян. Поэтому и встречавшие нас старые друзья, писатели Юсеф эс-Сибаи и Абдурахман аль-Шаркави подтянуты и серьезны.

Камиль Яшен, Ануар Алимжанов сообщают на заседании Постоянного бюро о том, какие в советских издательствах готовятся переводы произведений писателей Азии и Африки, как встретит Алма-Ата своих гостей.

Эдуард Топчян подробно рассказывает о том, что писатели Армении делают для подготовки встречи поэтов Азии и Африки, которая должна состояться в Ереване после конференции в Алма-Ате.

Сообщения советских писателей вызывают большой интерес у литераторов Египта, Индии, Японии, Пакистана, Монголии, Ливана, Южной

НИ ВСТРЕЧ В КАИРЕ

К ПЯТОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

Африки. Они рассказывают, что ожидают афро-азиатские писатели от встречи в Алма-Ате.

Впервые за время существования журнала «Лотос» на заседании редколлегии были заслушаны критические сообщения членов редколлегии о содержании вышедших номеров по разделам прозы, поэзии и критики.

Член редколлегии журнала, один из крупнейших писателей Южной Африки, широко известный в Советском Союзе, Алекс ла Гума, сказал:

— С 1-го по 10-й номер наш журнал опубликовал в общей сложности 56 рассказов. Они были присланы из стран, занимающих огромное территориальное пространство на африканском и азиатском континентах, и это в действительности заслуга как руководства «Лотоса», так и нашего писательского движения.

Из 56 рассказов журнал напечатал: из Арабской Республики Египет — 5; из Южной Африки — 5, из Танзании — 2, из Палестины — 3, из СССР — 6, из Монголии — 3, из Японии — 4, из Алжира — 2, из Ливана — 2, из Кении — 2, из Замбии — 2 и из каждой другой страны — по одному рассказу. Рассказы можно сосредоточить и по региональному принципу: 16 — из стран Черной Африки, 21 — из арабских стран и Ближнего Востока, 10 — из Азии и СССР, 7 — из Юго-Восточной Азии и Японии, 2 — из США и стран бассейна Тихого океана.

Не углубляясь в художественные достоинства каждого из опубликованных рассказов, нужно отметить, что напечатанные произведения свидетельствуют о том, что авторы их — это наиболее чувствительные, сознающие и обладающие даром самовыражения люди, которые, помимо всего, занимаются проблемами человечества, соотнося их с великими изменениями, происходящими в нашем афро-азиатском мире.

Рассказы, опубликованные в журнале «Лотос», полны ненависти к колониализму во всех его формах, к социальной несправедливости, бедности, деградации человечества и расовой несправедливости. Но больше всего в этих рассказах утверждается гуманизм.

Эта тема получила довольно яркое освещение в рассказе монгольского писателя Д. Нацагдоржа «Новый год и горькие слезы». В этой сказке — страстное желание счастья, испытываемое девушкой Тцеримой, и ее окончательное освобождение от эксплуатации и преследования.

В этом же номере Ю. Шороуроу представил рукопись открыто политического характера, где он, не прибегая к приему аллегории, рассказывает о проблемах арабского народа, борющегося с сионистами.

В шестом номере Кемаль Билбасар написал довольно чувствительную любовную историю, в центре которой изображено, по всей видимости, традиционное сватовство в сельской местности в Турции. В ее основе лежит простая сказка, навеянная народными сказаниями.

В самом первом выпуске нашего журнала в рассказе «Около, или Голос», который прислал Габриэль Окара из Нигерии, по-новому рассматривается так называемая проблема «ничегонезнания», а рассказ Дзаи Озаму «Озан» (Япония) может привлечь внимание тех женщин, которые борются за эмансипацию.

В пятом номере появился рассказ-басня «Новая жизнь Кейрефазо», написанный Теодорой Сатэрлэнд из Ганы; там опубликован и другой рассказ — «Сын судьи» Абиосе Никола из Сьерра-Леоне, в котором осуждаются аморальность и насилие.

Следует отметить сильный рассказ «Скорпион» писателя аль-Шаркави из Арабской Республики Египет, а также рассказ «Герника и голубая звезда» Вилфредо Дайо Нолледо с Филиппин.

Сейчас мы начинаем подумывать о том, чтобы издать основательный том коротких рассказов. Мы также должны отнестись с должной похвалой к тем переводчикам, которые перевели работы писателей из разных частей света на английский язык, передавая подлинную атмосферу, в которой действуют герои, и стиль рассказа. Нужно признать, что и переводчики на французский и арабский языки были на высоте. Художники, оформившие журнал, безусловно, тоже заслуживают похвалы.

Будучи закоренелым оптимистом, я могу быть прощен, если процитирую одного героя из рассказа японского писателя Дзаи Озаму: «Революции предназначены для того, чтобы сделать людей счастливыми. Я не верю революционеру с трагическим лицом». Кроме того, бо́льшее количество положительных черт рассматриваемых рассказов превосходят их недостатки, которые не могут уменьшить ценность этих работ.

После ознакомления с 56 рассказами со всего афро-азиатского мира, напечатанными в нашем журнале, невольно напрашивается вопрос: выполняет ли «Лотос» свою задачу? Мы уже пустились в путь, и нам все еще далеко до конца, и много еще вещей, которые можно будет сделать, но сохраняя в качестве основы существующее направление. На наших страницах могут еще появиться великие вещи. Что мы должны начать делать, так это то, чтобы наша национальная литература появилась на арене мировой литературы. Мы создали необходимый фонд для сохранения рукописей, потому что иначе они растеряются, вместо того чтобы передаваться от человека к человеку, по всему миру. Писатель Мохаммед Диб сказал: «Память людей — это их национальная библиотека». Я верю, что мы на пути создания подобной библиотеки, которая широко представит читателям писателей Африки и Азии.

С коротким обзором выступил также широко известный советским читателям крупнейший поэт Пакистана Фаиз Ахмад Фаиз.

— К сожалению,— сказал он,— из-за того, что мне часто приходится менять резиденцию из Карачи в Исламабад, я не получил всех номеров «Лотоса» для изучения. Однако я просмотрел пять выпусков и антологию афро-азиатской поэзии. Мои комментарии основываются на этом материале.

Я ограничусь общим обзором, вместо того чтобы давать оценку каждому отдельному стихотворению.

В целом уровень поэтического мастерства достаточно высок, и это проявляется как в форме, так и в содержании и переводе напечатанных стихотворений. Поэтический уровень значительно повысился с момента выхода первого номера журнала. Недостаточно ясно, однако, какое количество материала может быть заимствовано и перепечатано из других изданий. Конечно, в некоторых случаях заимствование опубликованных ранее стихов неизбежно. Тем не менее должна быть сделана попытка привлечь как можно больше оригинальных материалов.

Я предлагаю, чтобы время от времени серия стихотворений, собранных по теме, объединялась под единым заголовком, чтобы оказать бо́льшее воздействие на читателей, например, цикл стихотворений на разных языках о Вьетнаме; цикл стихотворений из арабских республик, или цикл стихотворений из Черной Африки, или цикл стихотворений отдельных авторов.

Я также советую ввести рубрику, где бы критически оценивались опубликованные материалы, а также привлекать к этому самих читателей. С моей точки зрения, понимание и изложение поэтического материала, особенно африканских и азиатских писателей, достаточно затруднено во многих частях света. А это очень важно, так же, как и публикация первоисточников. Некоторые дискуссии по различным вопросам поэтического творчества вызовут бо́льший интерес к журналу.

Участники совещания остро обсуждали опубликованные в журнале «Лотос» статьи в разделе критики и библиографии, подчеркивая ошибочные стремления некоторых авторов к обособлению отдельных литератур, к попыткам изолировать их от общего поступательного движения прогрессивных литератур Азии и Африки, направляющих главные свои усилия к единству и солидарности народов в их героической борьбе с империализмом и колониализмом.

Как известно, Комитет солидарности с народами Азии и Африки, активно работающий в Германской Демократической Республике, оказывает большую помощь Афро-азиатской ассоциации писателей, полностью взяв на себя выпуск журнала «Лотос» на английском и французском языках (на арабском языке журнал выходит в Каире).

В заседании редколлегии «Лотоса» принял активное участие ответственный секретарь Комитета солидарности ГДР Ганс Шарф, рассказавший о том, что немецкие товарищи обеспечат выполнение графика всех намеченных к выпуску номеров журнала «Лотос» ко дню открытия Пятой конференции.

...Дни встреч в Каире, насыщенные дружеским желанием успешного проведения осенью 1973 года Пятой конференции писателей стран Азии и Африки, закончились торжественным собранием общественности Каира, посвященным 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик.

Генеральный секретарь Организации солидарности народов Азии и Африки египетский писатель Юсеф эс-Сибаи обратился со словами привета к народам Советского Союза, подчеркнув огромный вклад нашей Родины в дело борьбы прогрессивных сил земли за счастье всего человечества.

А. СОФРОНОВ

Действующая модель «Лунохода-2» на лунодроме.

В эти дни в лучах восходящего Солнца привычный лунный диск почти невиден и кажется бесплотным призраком.

Нужна известная доля воображения, чтобы за дымчатым пятнистым овалом увидеть покрытые пылью морские равнины и усеянные кратерами материковые горные цепи. И уже совсем трудно представить на теряющем очертания краю диска луноход, как бы остановившийся перевести дух после нелегкой дороги.

Именно здесь, в восточной части Моря Ясности, а точнее, в заливе Лемонье, стоит на двухнедельной зимовке советский самоходный аппарат «Луноход-2». Он подобен кораблю в скованной льдом полярной бухте: вокруг непроницаемый мрак и стужа до минус ста тридцати градусов. Однако изотопный источник тепла и толстая шуба экрано-вакуумной изоляции защищают луноход от космического холода. Очередной сеанс радиосвязи с аппаратом принес хорошие вести: внутри машины по-прежнему тепло, дежурные системы надежно несут ночную вахту.

Каждые сутки по заведенному природой порядку смещается на Луне граница дня и ночи. Через несколько дней над горизонтом залива Лемонье взойдет Солнце. Его лучи контрастно высветят свежую рубчатую колею, проторенную на километр от посадочной платформы, и саму машину с открытым навстречу лучам блестящим зеркалом солнечной батареи. Так начнется второй лунный день самоходной лаборатории, второй этап комплексных научных исследований Селены и космического пространства.

Район научной вахты выбран не случайно. Море Ясности представляет собой одно из самых древних образований, которое в последующие времена было затоплено базальтовыми лавами. Находившийся в его восточной части крупный кратер диаметром около 55 километров, по мнению ученых, примерно 2,5 миллиарда лет назад также был заполнен базальтовыми лавами и, непосредственно сомкнувшись с морем, получил название залива Лемонье по имени французского астронома конца XVIII века.

Учитывая, что с востока к заливу вплотную примыкает материковый горный массив Тавр, кратер, имеющий «моло-

Лунная панорама. В центре кадра отчетливо виден кратер, около которого прилунилась станция «Луна-21».

КОСМИЧЕСКАЯ ВАХТА В МОРЕ ЯСНОСТИ

дую» поверхность, находится под непосредственным влиянием древних материковых образований.

Естественно, что ученые ожидают от исследований «Лунохода-2» много новых сведений о развитии и взаимодействии морского и материкового лунного рельефа.

А теперь вернемся к первым шагам нового советского автоматического аппарата в Море Ясности. Ожидания ученых были не напрасны — луноход успел уже передать на Землю интересные данные об этом районе.

Конструкция и состав научной аппаратуры «Лунохода-2» в основном сохранили преемственность от его старшего брата. Вместе с тем опыт десятимесячной работы с «Луноходом-1» позволил внести ряд усовершенствований в системы управления и телевизионного обзора местности.

На новой лунной машине имеется выносная телекамера, поднятая над корпусом. С ее помощью водитель экипажа на Земле видит впереди лежащую местность примерно с высоты человеческого роста, что значительно облегчило обход камней и воронок. Кроме того, система управления позволяет включать правые и левые колеса одновременно с различной скоростью и плавно на ходу поворачивать аппарат.

При движении лунохода периодически опускался прибор для измерения плотности грунта. Ученые-селенологи внимательно изучали каждую крупицу информации о новом районе, будь то панорама ландшафта, стереоскопический снимок характерного выброса камней и даже снимок выброшенной «земли» из-под ноги посадочной платформы. Эти на первый взгляд незначительные детали позволили сделать интересное открытие — выявить разнообразный характер поверхностного слоя Луны. Наряду с очень плотными участками встречались такие рыхлые места, что колеса аппарата увязали почти по ступицу.

Море Ясности, по-видимому, и в дальнейшем не поскупится на сюрпризы.

Интересно отметить тот факт, что место посадки станции «Луна-21», с которой начал свой путь «Луноход-2», находится всего лишь в 180 километрах севернее района высадки экспедиции американских космонавтов на корабле «Аполлон-17» в декабре прошлого года.

Впервые за всю историю изучения Луны в непосредственной близости друг от друга осуществляются научные эксперименты — сбор данных космонавтами и с помощью уникальной автоматической передвижной лаборатории. Несомненно, что результаты, которые получат советские ученые, значительно дополнят сведения, добытые американскими космонавтами...

Интенсивно развивающееся в последние годы научно-техническое сотрудничество Советского Союза и Франции получило яркое подтверждение и в этом космическом эксперименте. На борту новой лунной машины находится лазерный отражатель, изготовленный французскими специалистами. Как отметил после первого путешествия лунохода президент французского Национального центра по космическим исследованиям Жан-Франсуа Денисс, «...использование лазерных отражателей венчало определенный этап нашего сотрудничества и вместе с тем оно вдохновляет на дальнейшую работу рука об руку с советскими учеными и техниками».

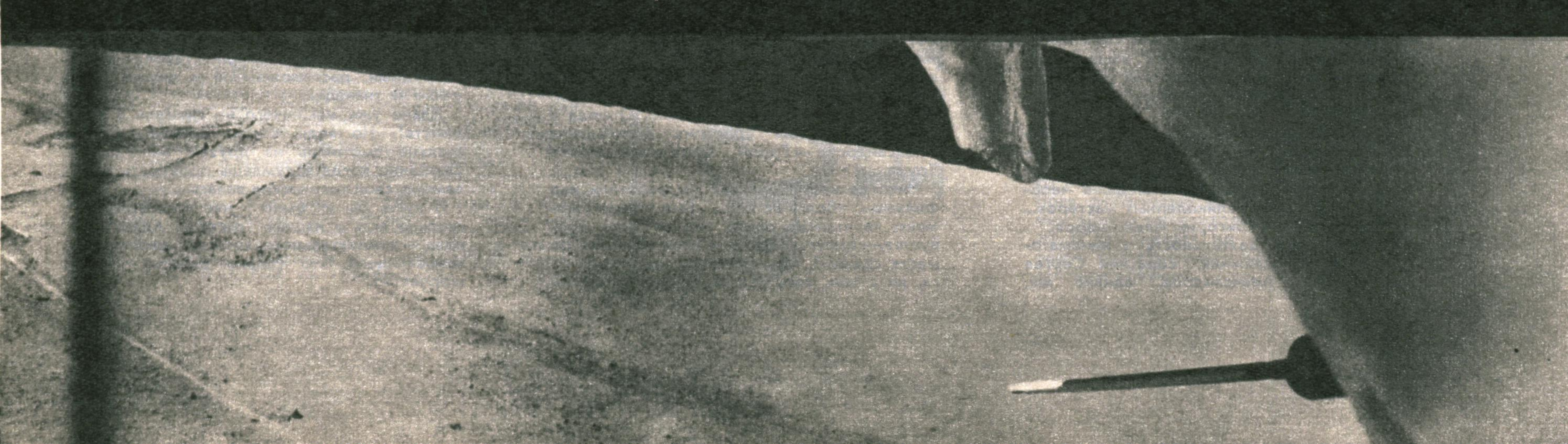
Перед началом лунной ночи самоходный аппарат выведен на ровную площадку так, чтобы лазерный отражатель смотрел на Землю. Во время ночи советские и французские ученые начнут эксперименты по локации Луны. Совместный научный поиск продолжается...

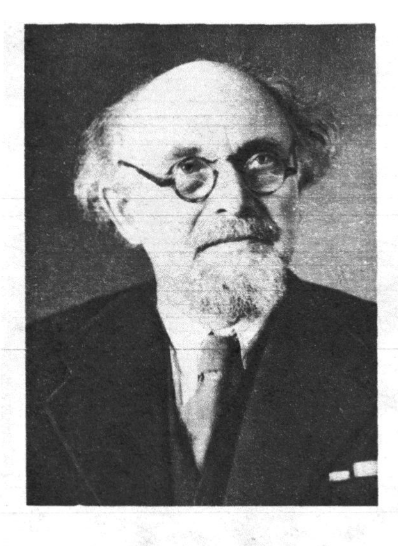
Космическая вахта в Море Ясности — новый этап советских исследований Луны с помощью автоматических станций. Достаточно вспомнить о космических «фотографах», передававших на Землю снимки Селены, «геологах»-автоматах, лунных «землемерах» и, наконец, о первой самоходной лаборатории.

Автоматические передвигающиеся устройства еще большее значение приобретают в исследовании планет. Во время функционирования первого советского лунохода английская газета «Дейли миррор» писала: «Автоматически управляемый экипаж, который сейчас движется по Луне, в течение ближайших лет может сделать то же самое и на Марсе». В широких возможностях научных самоходных аппаратов мы убеждаемся ежедневно, следя за интереснейшими путешествиями советской автоматической лаборатории «Луноход-2».

Валерий ПОЛЯНСКИЙ,
научный сотрудник

На горизонте просматриваются горы. Фотохроника ТАСС.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. М. ПРИШВИНА

ПОМОГАЙ СОЛНЦУ

Сто лет жизни... Это не так уж и много, тем более если речь о Михаиле Михайловиче Пришвине, писателе мудром и навечно сроднившемся с живой жизнью леса, земли. Ни пашне, ни лесу сто лет никакой не предел, а пора подлинной зрелости, когда каждая живая клеточка зеленого великана, каждая горсть взрыхленного пласта только входит в силу. Многое из давно написанного Пришвиным умиляло и прежде, но только сейчас доходишь умом до самого заветного. И получается, что хоть и сто лет писателю, хоть и нет его, а он есть, он молод, дееспособен, твой современник. И ты входишь в мир его книг, будто в лес входишь. Кто, когда его сажал, с какою мукой вырастил? Об этом чаще всего не думаешь. Слушаешь тишину, берешь ягоду, радуешься муравьям и шустрому поползню — и вдруг прозреваешь, постигая вчера еще непостижимое. Пришвин — такой вот лес. Сколько раз в него войдешь, столько раз на свет родишься.

«Свет» — одно из любимых слов Михаила Михайловича. Он много побродил по свету. Весна света — пятое время года, открытое Пришвиным, подаренное нам. Это и философское — необхватное и пронзительно-сладкое понятие — свет: свет души, свет жизни. Светлы его книги. А ведь они-то и есть его наследие. Он и сам родился в канун весны света — 4 февраля. И всю жизнь, по свидетельству современников и дневниковых записей, как бы излучал энергию света. До смертушки волновался Михаил Михайлович судьбой родной страны.

Так кто же он, этот человек, столетие со дня рождения которого так нежданно подкатило? Перелистаем книги. Фенолог? Да. Охотник? Да. Географ? Да. Очеркист? Да... Но и не только! Трижды не только. Еще и Сказочник с большой буквы, а это значит — поэт и мудрец жизни одновременно. Пришвин сам как-то объяснил: мол, 40 лет на прокрустовом ложе очерка... Но мы-то знаем, что внутри его очерков, рассказов, романов — с первой до последней строки — всегда дышал, готовился к старту жизни живой зародыш правдивой сказки. А сказка — жанр высшего пилотажа.

Михаил Михайлович Пришвин хотел одного и очень определенного: света для людей и в людях. Чтобы освобождение (социальное и психологическое) сделало всех нас разными, неповторимыми и в то же время слитными воедино чувством истинного товарищества и общей высокой целью. Он с детства мечтал разорвать «кощееву цепь», опутавшую, сковавшую людей. А легко ли такую мечту носить на сердце полвека творческой жизни! Но Пришвин понимал искусство как поведение. И такое понимание назначения художника — тоже его открытие. Не важно, что открыл его не он первый, не он последний. Важнее, что он к этому пришел.

В поисках себя, в поисках истины писатель немалые дороги исходил за волшебным колобком. И нашел то, что искал,— себя, свое поведение, свои книги, своих читателей, наследников вековой корабельной рощи. «Весь мой путь был из одиночества в люди». В этом весь Пришвин, его эволюция как личности.

«Помогай солнцу!» — завет Михаила Пришвина каждому из нас. Нет, он не был просто прохожим, не был созерцателем. Он видел и темное и светлое, но дело свое вел только в светлую сторону и потому был и остался на века именно тем Пришвиным, которого сегодня чествуют не одни любители природы, звонкой капели и писка синиц.

Рождение художника пришвинского масштаба — процесс многолетний, всегда сложный, мучительный. Но вот М. Горький ни разу не усомнился в Пришвине, в его даре, предназначении, в его личности. Атмосферу пришвинских книг он называл «геооптимизмом». Да ведь не всем под силу стать «геооптимистом»! Пришвин им стал. Ему помогли самобытнейший талант и чувство собственного достоинства.

Сегодня все, кто любит Михаила Михайловича Пришвина, еще раз оглянутся на его дорогу в сто лет. И непременно испытают горячее чувство гордости за человека Пришвина. Студентом он входил в кружок марксистов, перевел «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и книжку А. Бебеля, читал рабочим Риги «Капитал» К. Маркса, за что и отбыл срок в одиночке Елгавской тюрьмы. Потом ссылка под гласным надзором... «Юность моя была обыкновенная для интеллигента, революционная». Это из автобиографии Пришвина. Он познал и ностальгию политического эмигранта. Благо, за годы отлучки получил в Лейпциге не только суровые уроки жизни, но и диплом агронома. А потом снова Россия, обострившееся чувство Отчизны, работа земским агрономом под Москвой и в Москве, в Петровской (ныне Тимирязевской) сельскохозяйственной академии и на Опытной станции в Луге. Все ли помнят, что первая книга его была «Картофель в полевой и огородной культуре»! И только в 1906 году тридцатитрехлетний Михаил Михайлович отправился в северные леса, к людям, хранящим фольклор, чтобы «восстановить свое творческо-человеческое достоинство». На севере и родился этнограф, естествоиспытатель, автор книги «В краю непуганых птиц».

Бесполезно цитировать настоящего поэта и сказочника, потому что цитировать можно бесконечно. Лучше Пришвина перечитать. Всего. И то, что написано до революции, и то, что написано после нее, и то, что опубликовано после смерти. А после января 1954 года, когда Михаила Михайловича не стало, в свет вышли «Корабельная роща», «Повесть нашего времени», «Глаза земли», «Осударева дорога», «Незабудки», «Дорога к другу»... Видно, не зря, говорят, любил Михаил Михайлович присловье: «Помирать собирайся, а рожь сей». И он сеял.

Знание и поэзия. Зерно и слово. Деревья, птицы, люди. Таков свет Михаила Михайловича Пришвина, разорвавшего «кощееву цепь» дочеловеков. Он знал, что одни люди добывают огонь, другие только пользуются им. Так было. Но так быть не должно! Пришвин сам это понял и помог понять нам. Быть может, это еще одно открытие Пришвина? Перечитайте его.

И все же нельзя не процитировать, по-моему, главного:

«Я художник и служу красоте так, что и сам страдающий бог, роняя капли кровавого пота, просит: "Да минует меня чаша сия". Я призван украсить наш путь, чтобы несчастные забыли свой зимний крест и дождались новой весны».

Так что Пришвин сам помогал солнцу.

Н. БЫКОВ

К 70-ЛЕТИЮ Г. В. АЛЕКСАНДРОВА

О МОЕМ ДРУГЕ

Игорь ИЛЬИНСКИЙ,
народный артист СССР

Весь наш большой актерский «цех» страны поздравляет народного артиста СССР, кинорежиссера Григория Александрова с его славным юбилеем. И я невольно возвращаюсь мыслями ко дням нашей молодости, насыщенной заразительно-смелым художественным созиданием.

В те дни страна и народ решительно меняли свой облик, продолжая дело революции, развивая ее глубинные и благодатные преобразования... Время было трудное, сложное: борьба шла всюду — и в городе и в деревне; мы тоже считали себя мобилизованными. Казалось, сама наша молодость, ее неуемные силы искали себе выхода во всем! Так было в труде, так было и в творчестве.

Ярчайшим выражением этого революционного подъема, его особенных нравственных требований стало молодое советское искусство кино, сразу же нашедшее необходимых для себя великолепных мастеров... Среди них был и Григорий Александров.

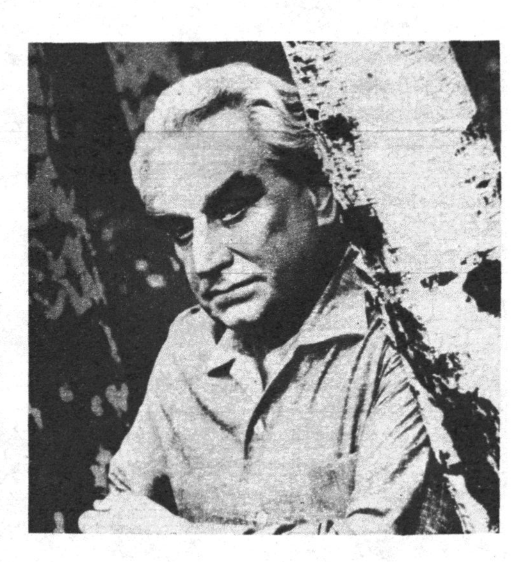
Начиная свою деятельность в кинематографе как сподвижник, соратник Сергея Эйзенштейна, Александров, однако же, упорно искал своих собственных творческих путей. Ему никого не надо было повторять, перепевать, он был полон собственных замыслов, и каких!..

«Веселые ребята», заложившие основы новой, народной, советской комедии... «Цирк» с его темой пролетарского интернационализма. «Волга-Волга» — о талантах народа, вызванных к жизни Революцией. Да разве перечислишь все искрометные ленты, где звучала музыка открытого Александровым же композитора Дунаевского...

В цикле кинокомедий, созданных Г. Александровым, нет ни одной, которую и сегодня вдруг зрители не помнили бы, не знали бы, не любили бы... Эти фильмы — киноклассика, они сегодня известны всему миру не меньше, чем фильмы Чаплина.

Положив начало в этих лентах блистательной артистической карьере Л. Орловой, Л. Утесова и еще многих чудесных актеров, Григорий Васильевич Александров создал свое большое кино — большое по силе революционной мысли, по свежести, веселости, молодой заразительности революционного духа, настроения... Отсюда ведь идет неумирающая, торжествующая, звонкая жизненная сила всех его лент!.. Отсюда и его особый, исполненный доброжелательности к людям, умный, спокойный и беспокойный сразу, нестареющий талант... Отсюда и нынешнее звание Григория Васильевича Александрова — Герой Социалистического Труда.

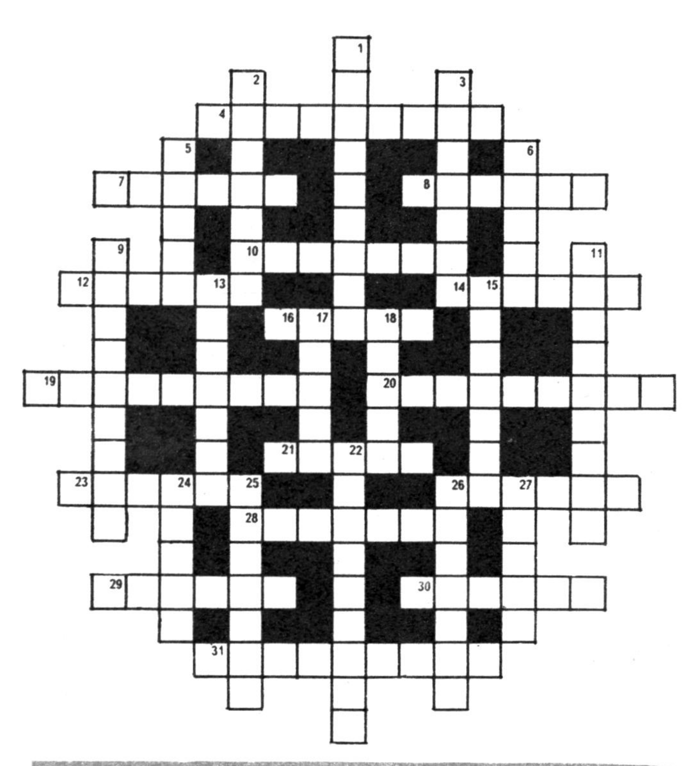
Никогда не забуду, как мы работали над фильмом «Волга-Волга»... Был такой момент: капитан не понял, что от него требуется,— вдруг взял да и увел пароход от места съемки!.. Мы остались, как говорится, ни с чем, хоть плачь! Только Григорий

Васильевич хранил бодрость... Он сыграл на своей любимой губной гармошке, чтоб нас развеселить, нечто занятное и потому всех успокоившее... Он и сегодня такой — лукаво-мудрый, расположенный к людям, хорошо их знающий.

Давно уже мы ничего не снимали с ним вместе!.. Но ведь всегда особенно пристально смотришь на друзей молодости. Особенно когда вздумаешь проверить себя самого, свои творческие запасы...

И пусть бы их было у нас всех столько, сколько есть у нашего Григория Александрова — замечательного артиста, делом доказывающего, что только работа питает творчество.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Поэма А. Блока. 7. Ветер разрушительной силы. 8. Ввоз товаров из-за границы. 10. Ансамбль из четырех исполнителей. 12. Опера П. И. Чайковского. 14. Город в Ярославской области. 16. Сосуд для жидкости. 19. Южное плодовое дерево. 20. Персонаж романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». 21. Озеро в Армении. 23. Промежуток времени. 26. Ягода. 28. Металлический музыкальный инструмент. 29. Испанский танец. 30. Помещение в самолете. 31. Певчая птица.

По вертикали: 1. Европейское государство. 2. Южный мыс Камчатки. 3. Отрезок прямой, соединяющий две точки окружности и проходящий через ее центр. 5. Итальянский поэт. 6. Соцветие растения. 9. Пьеса И. С. Тургенева. 11. Тригонометрическая функция. 13. Художественно-публицистическое обличительное произведение. 15. Старая русская мера объема сыпучих веществ. 17. Русский мореплаватель. 18. Стеклянный шкаф для посуды. 22. Областной центр в РСФСР. 24. Английский писатель. 25. Старинный способ морского сражения. 26. Водное млекопитающее. 27. Цветок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали: 4. Новосибирск. 5. Батисфера. 10. Косатка. 11. Нальчик. 15. «Комик». 16. Магнето. 18. Ессей. 19. Стилобат. 20. Каникулы. 21. Весна. 22. Скрипка. 25. Франс. 28. Скворец. 29. Обелиск. 31. Олимпиада. 32. Подосиновик.

По вертикали: 1. Монблан. 2. Киоск. 3. Асфальт. 6. Тыква. 7. Ераст. 8. Поликлиника. 9. Биссектриса. 12. «Портрет». 13. Антоним. 14. Беллини. 16. Миасс. 17. Отара. 23. Клещи. 24. Кобра. 26. «Колобок». 27. Алфавит. 30. Сплит.

На первой странице обложки:

Татьяна Кобзева — самый молодой специалист колхоза имени XXII съезда КПСС, Суздальского района. Сельские комсомольцы избрали ее своим вожаком (см. в номере очерк «Материнство земли»).

Фото Э. Эттингера.

На четвертой странице обложки:

На воскресной прогулке.

Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

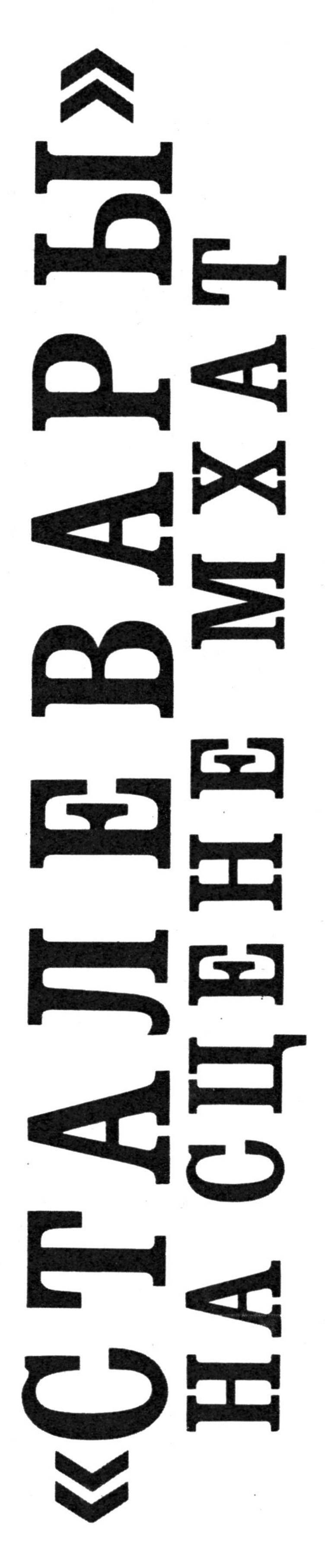
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 15/I-73 г. А 00013. Подп. к печ. 31/I-73 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 440 Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 54.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Вл. НЕНАШЕВ,
заслуженный деятель искусств УССР, главный режиссер Харьковского академического театра имени Пушкина

Скажу сразу: «Сталевары» на сцене МХАТ с первых же мгновений поражают зрителя.

Поражают грозным ревом доменных печей, неистовым плазменным блеском кипящей, дымно клубящейся стали, всем огромным сценическим пространством, которое художник И. Сумбаташвили с предельной выразительностью превращает в современный мартеновский цех.

Художник полностью забирает для этого сцену — ее высоту и ее глубину, достигая эффекта, поистине необычайного... Это эффект не «похожести», а эффект образности, картинности, это великолепная, огромная метафора... Зрители сразу начинают аплодировать, видя, как варится сталь, и ты тоже от души присоединяешься к этим аплодисментам, хотя пока что внутренне еще считаешь их как бы неким «авансом», что ли... В самом деле, кто их знает, какими они потом окажутся, эти «Сталевары»!..

Ведь последние спектакли МХАТ, если рассматривать их не лукаво, в ясном свете требований современности, ничем всерьез не радовали... Художественно аморфная «Дульсинея Тобосская» А. Володина, вовсе не состоявшаяся попытка разговора по поводу жизни наших современниц в пьесе Э. Радзинского «О женщине», неудача «Валентина и Валентины» М. Рощина, спектакля нечеткого, разностильного... Таковы были досадные промахи театра. Конечно же, они тревожили...

МХАТ — необычный театр. Его творческая репутация не могла и не может быть поддерживаема одной только прошлой славой. Что поделаешь, авторитеты ни за кем навечно не закрепляются. Их приходится зарабатывать всю жизнь — все снова и снова...

Поэтому-то на «сталеваров», то есть на артистов МХАТ, вышедших на сцену в шлемах и одежде сталеваров, смотришь не то что недоверчиво или придирчиво. Смотришь скорее выжидательно.

Тут все будет одинаково важно: и то, о *чем* они скажут, и то, *как* они скажут, стремясь раскрыть вроде бы простую и открытую, а в то же время своеобычную, весьма небанальную «производственную» пьесу свердловчанина Геннадия Бокарева.

Но, оказывается, пьеса-то вовсе не о производстве! Она о людях, для которых производство *тоже* есть жизнь, а значит, и о производстве тоже!.. В общем, это *пьеса о жизни людей труда*, и суть драматургии их сегодняшней жизни заложена в нравственных глубинах характеров. Поэтому лишь внутри характеров,— точнее, в самой человеческой природе героя-современника, мог театр обнаружить тот живой и сильный конфликт, который стал бы и для спектакля мощной организующей силой, движущей события по пути их нарастания и развития.

Никуда не уйдешь от характеров, особенно в разговоре о современности!.. И когда на сцене появляются герои-друзья, герои-соперники, чьи весьма сложные духовные и душевные отношения будут определять все дальнейшее течение действия, опять же не сразу угадываешь новаторский замысел постановщика «Сталеваров» Олега Ефремова, поручившего две главные роли артистам В. Расцветаеву и Е. Евстигнееву.

Надо ли говорить, что оба они, будучи «новичками» на мхатовской сцене, далеко не новички в искусстве сцены! Сравнительно молодой В. Расцветаев вырос в талантливой, яркой труппе Перми, но Москва театральная давно уже приметила во время гастролей многие его работы, в том числе, например, блистательное исполнение заглавной роли в пьесе А. Толстого «Царь Федор Иоаннович»...

Мягкость, словно бы даже застенчивость героев В. Расцветаева, их задумчивая глубина всегда таят в себе возможность неожиданного, но могучего психологического взрыва. Нравственное постоянство его будто бы «тихих» и «незаметных» поначалу героев оказывается во много раз сильнее, чем можно предположить с первого взгляда. И это придает им удивительное, медленно разгадываемое нами, но тем более прочное обаяние...

Таков В. Расцветаев и в роли сталевара Виктора Лагутина. Это *сегодняшний*, с ног до головы сегодняшний рабочий человек. Рабочий с высшим образованием... Он нахохлен, сутуловат, сразу видно — не очень-то счастлив... Может быть, натерпелся всякого за годы сиротства. Отец Виктора — тоже сталевар — трагически погиб на производстве...

В. Расцветаев еще и многое другое дает нам почувствовать в своем герое... Мы понимаем, например, что перед нами человек высоких, выстраданных им жизненных принципов, он давно уже живет, «сжав зубы», приготовившись грудью встречать разные беды, терпеть и преодолевать их... Весь он, как сжатая пружина, готовая развернуться от малейшего прикосновения, но далеко не всегда по необходимости... Видимо, по тем же причинам герой Расцветаева привык все делать сам, делать один, брать всю ответственность на себя одного.

Это *трудный* характер. Трудный и для себя и для других... Трудный, но предельно честный!.. Именно поэтому «принципиальное одиночество», на которое обрекает себя Виктор Лагутин у Расцветаева, нравственный максимализм его не кажутся нам ни надуманными, ни фальшивыми. Черты характера — и хорошие и плохие — равно рождены жизнью, ее конкретными, реальными обстоятельствами.

Отсюда же и реальность, правдивость конфликта, который возникает между Виктором Лагутиным и Петром Хромовым, а потом разрастается в конфликт Лагутина со всей бригадой сталеваров...

Сложность образа, который строит В. Расцветаев, может быть, не совсем выгодно оттеняет некоторую легковесность Е. Евстигнеева в не менее трудной роли Петра Хромова... Ведь Хромов не просто балагур, весельчак, рубаха-парень, всеобщий любимец и завидный жених, слишком долго выбирающий невесту... Нет, тут и в пьесе, да и в жизни, подсказавшей этот характер, тоже все обстоит гораздо сложнее!

Да, Петр Хромов живет на свете легко, счастливо, с душою, открытой людям. Его радует труд, он верит всем, он любит свою горячую профессию и свою дружную, сплоченную бригаду... И он, впрочем, не такой уж комик и у Е. Евстигнеева, как это может показаться поначалу...

Дело в том, что наши недостатки, говорил В. И. Ленин, суть продолжение наших же достоинств, наших же хороших сторон... Живая диалектика характеров, взятых в развитии, в движении, в неминуемом столкновении и, наконец, в разрядке конфликта,— создает достоверную, глубоко убедительную психологическую атмосферу спектакля... Современность происходящего тут в дополнительных доказательствах уже и не нуждается! Но театр ни на одно мгновение не забывает о среде, в которой происходит действие.

Перекрестно движущиеся в воздухе крупные щиты свободно образуют на той же площади огромного цеха то уголок общежития, то столовую, то рабочую душевую... Раскованность формы, «оголенность» иных приемов здесь выступают не только в переносном, но иногда и в самом прямом смысле, когда видишь, например, весело плещущихся под душем рабочих... Публику нынче этим, конечно, не удивишь, но по общему впечатлению получается хорошо!..

Легко дышится, горячо работается всем этим людям: они — хозяева своего завода, своей страны, своей жизни!.. И ссора Петра Хромова и всей бригады с Виктором Лагутиным, которого вдруг заподозрили в том, что он карьерист, выскочка,— заподозрили, потому что Виктор согласился возглавить бригаду, когда по всему бы следовало ему оставаться в подручных,— ссора эта разрешается вдруг вполне искренне, разрешается мгновенно, освежая и радуя всех, как сильный летний дождь...

И мы прекрасно видим, что так и должно быть!

Без натуги, без громких слов, с удивительной, сложной простотою показывает МХАТ сегодняшних людей.

Красота души современника... В мхатовском изображении сегодня герои в чем-то и похожи и не похожи на тех людей, о которых рассказывал когда-то театр Погодина и Афиногенова, театр Попова и Охлопкова.

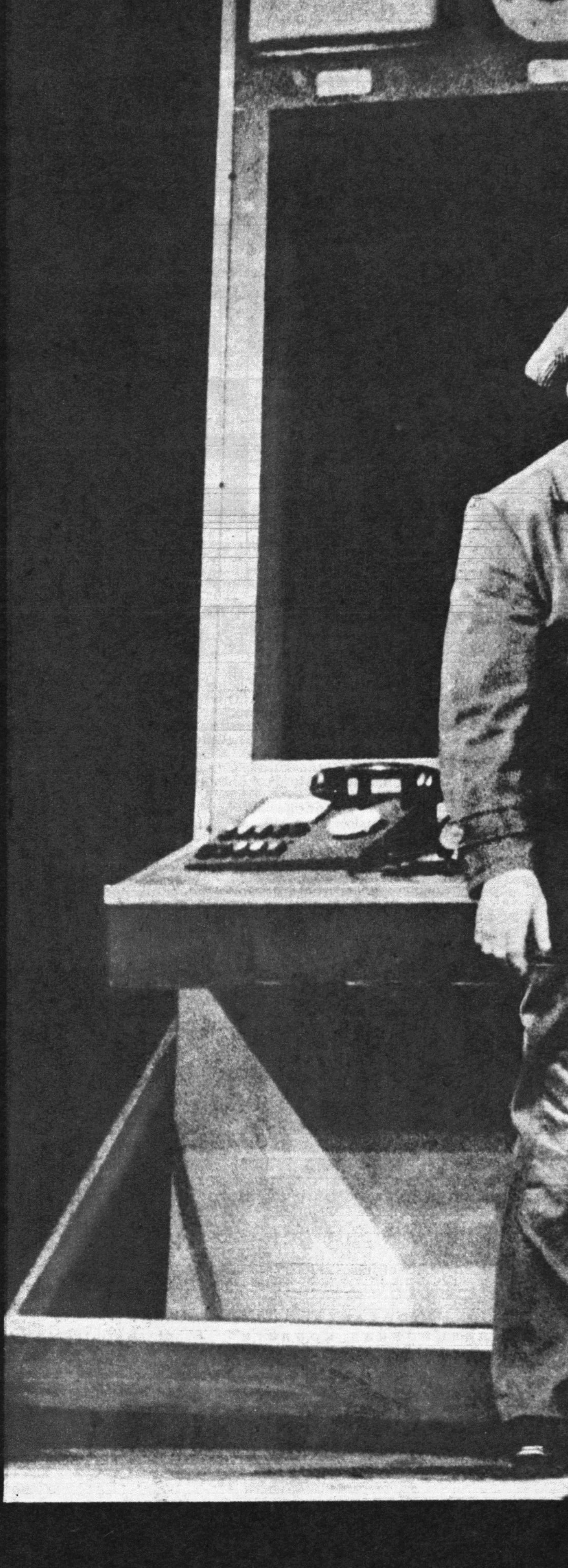
Тут «сходство» тоже непростое, диалектическое. Сходство отцов и сыновей, идущее по спирали, сходство наследуемых традиций, сходство поколений... Поэтому кое-кто в зале говорит, что, мол, стилистика-то «Сталеваров» не совсем мхатовская, а то даже и вовсе не мхатовская...

Ну, что же, наверное, и это тоже хорошо!

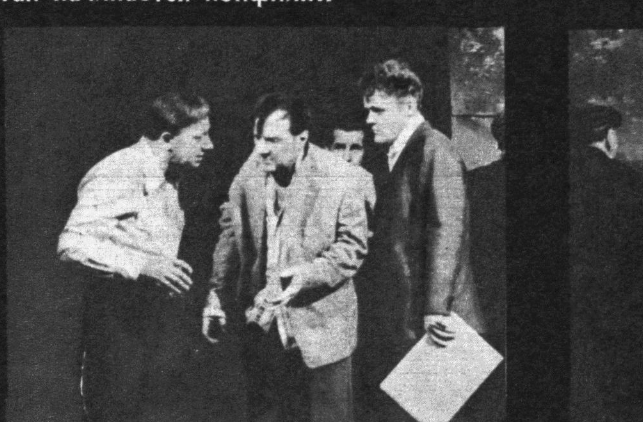
Театр переживает пору поисков, пору новой своей молодости. А это дается вообще не всем! И если дается, то не сразу... Но как же легко, органично вошли в новый спектакль такие до мозга костей «мхатовские мхатовцы», как Н. Гуляева, А. Георгиевская, Ю. Леонидов, В. Давыдов, П. Чернов...

И все они вместе — «старые» и «новые» мхатовцы — нашли тот единый, цельный «тон жизни», который Станиславский считал вернейшим признаком сложившейся, удавшейся постановки.

Именно цельность манеры, открытость тона подкупают в «Сталеварах», где соединились лучшие традиции мастеров искусства социалистического реализма с подлинным новаторством нынешних художников МХАТ.

Так начинается конфликт.

Е. Евстигнеев в роли Петра Хромова, В. Расцветаев — Виктор Лагутин.

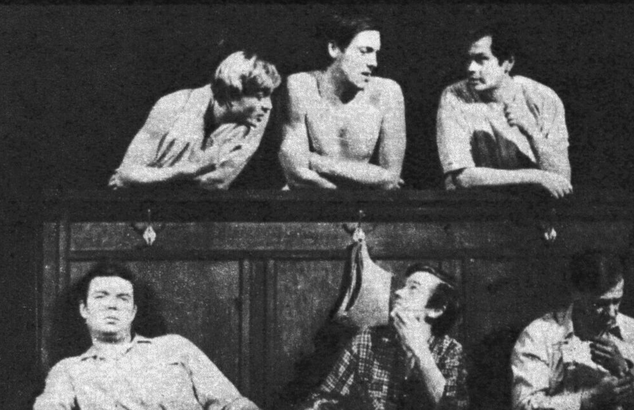
Сцена возле «Гайки».

В ожидании смены.

Душ располагает к обмену мнениями.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663